

Расшифровка интервью

Дата: 26.05.2023

00:00:15

Всё, мы можем [начинать].

00:00:08

Нина Андреевна, расскажите, пожалуйста, о маме и о папе. Можно по отдельности. Об их семье.

Рассказать как? В смысле, указывая их года рождения или как?

00:00:24

Как? Что вам... Вот например, мама — из какой семьи она происходила?

Всё поняла. Папа, папа из крестьянской семьи. Сначала он ходил в школу каждый день, в начальную школу, за 5 километров. Кончил начальную школу с отличием. А от них 22 километра находился город Ветлуга, где родилась моя мама. И ему было год, когда погиб его отец в Порт-Артуре, и его воспитывал отчим, который любил его больше, чем своих детей потом, за то, что папа рвался к знаниям. Ему это, я не знаю, не льстило, это неправильно, но он гордился, что он воспитывает, ну почти, сколько ему было, годик-два, когда отец погиб и вот он влился. И он очень любил папу. И он поехал с ним в город Ветлугу за 22 километра от их деревни Катунино, и папа поступил в гимназию. Теперь надо было как-то ему жить. Дедушка этот, получается, мне, он нашел ему, ну, угол это правильно [называется], тогда не было, чтобы комнату, квартиру. Дома частные, и вот там и выделили за печкой где-то угол, чтобы было окно. Дед ему сбил кровать, табурет и стол такой, чтобы он делал уроки, и каждую неделю [за] 22 километра привозил харчи на неделю, но чтобы папа, садясь с хозяевами за стол, чувствовал себя равноправным, он это всё отдавал хозяйке, и папа с их семьей садился за стол. А там был закон таков: завтрак, обед и ужин обязательно, и все в определенные часы, тишина даже гробовая, город Ветлуга, в те годы возникала, потому что все ужинают. Тишина. После этого потом начинают опять заниматься своими делами, кто чего, как, что, куда, всё — и спать. Ну, старики пораньше, молодежь гулять. Вот так вот. Папа жил на квартире. Кончил хорошо гимназию и поступил в Институт связи. Этот дед... Бабка мне потом ворчала, потому что я ее застала, что вот он больше любил, чем своих, но общих у них уже детей было два мальчика, но больше она не рожала, но там были очень много девочек от первого у нее мужа, который умер. И те мальчишки были. Один очень хороший — дядя Саша был, а дядя Вася был ужасный. Ну, такой хулиганистый парень. Дядя Саша погиб в войну, а дядя Вася, я даже не знаю, тоже как-то умер, отчего — не помню, я маленькая была. А пока папа учился в гимназии, естественно, мама закончила, она моложе его была, он с 99-го года, 1899-го, а мама 1901-го. И они познакомились гимназистами, и вот с того момента они очень дружили. Папа раньше уехал и поступил в Институт связи, если память мне не изменяет, по-моему, тогда был Горький. Или Нижний Новгород, не знаю, ну, в общем, он там поступил вроде бы. А мама была чуть-чуть его моложе, два года же разница, вот чуть. Она, закончив гимназию, поступила в этот медицинский институт.

00:05:03

Какой это был год?

Мне очень сложно сказать, потому что это начало прямо, начало-начало, всё до пятого года, где-то вот тут, до пятого года. Потому что папу распределили как раз. А, вот: прошла революция. Прошла революция, папа заканчивает этот институт, и его распределяют в министерство, тогда Наркомат связи, и назначают — главный инженер секретной части Центрального телеграфа. А мама в это время училась, по-моему, в Кирове. Я не знаю, как он раньше назывался. Сейчас его тоже, какое-то другое [название] опять вернули. И она поступила в медицинский институт. Потом, так как он распределился по окончании в Москве и ему дали на Плющихе шестиметровую комнату, где он мог жить, он маму позвал, и мама перевелась в Московский мединститут. Самое интересное, этот институт находился в соседнем дворе от них, где они имели свою шестиметровую комнату. Вот там, на Пироговке. И, значит, папа начинает работать, мама заканчивает институт. А уже родился брат мой в 1926 году, в сентябре, Вовка. А как-то маме надо выкрутиться, представляет, шесть метров комната, они втроем, и она забирает сестру родную, которая нянчится с Вовкой, чтобы ей закончить институт, потому что это оставался последний год. И она закончила, педиатр, стала педиатром. У мамы были очень хорошие организаторские способности, и она как-то быстро на

работе стала продвигаться. Ее продвигать стали, потому что она быстро умела что-то организовать, и как сами понимаете, что такое человек из провинции приехал в Москву, как мы называем. Всем хочется в Москву. Ну и вот шесть метров комната. Их самих три взрослых и Вовка — четверо, и кто-то еще приезжает. Надо что-то думать. Дом на Плющихе был очень хороший по тем временам, то есть он имел центральное отопление, хотя Москва в центре вся была на дровах, печки были. Ну как-то надо развернуться, жить, и они меняют эту комнату шестиметровку. Четвертый дом от собачьей площадки, Кречетниковский переулок, дом 7. Дом с мезонином, и в мезонине они меняют комнату двадцать... Сейчас скажу. В общем, да, 25, что ли, метров. Потому что одна комната была, по-моему, получилось, 15, а вторая 18, если где-то мне память не отшибло. Они перегородили сами. Я помню это: вот так вот две фанеры и туда что-то насыпано было. И дверь была, ну, не дверь, а проем, и висели занавески. Вот эту квартиру я помню, комнату. Второй этаж в мезонине. [После монтажа] А на чем я остановилась?

00:08:44

Вы как раз рассказывали по поводу того, что вы поменяли, там была... Его шестиметровую комнату...

Да.

00:08:54

Я хотела, знаете, что спросить? Про семью вашей мамы. Могли бы вы о ней рассказать?

Пожалуйста. Мама у дедушки с бабушкой родилась первой, декабрь 1905... 1901 года.

00:09:09

Давайте еще раз начнем.

Снова?

00:09:14

Да, да.

Мама родилась в декабре 1901 года у дедушки с бабушкой, она была самая первая. А потом за ней еще, еще, еще — и последний, десятый родился в 1926 году. Тамара. Пять девочек, пять мальчиков, да, у бабушки было. Все они жили в Ветлуге. Мама была первая, и я бы сказала, что она из всех из них была такая, более настойчивая в смысле учебы. Ей это, видимо, я не знаю, как нравилось. Не то что нравилось, а хотелось. И вот, видимо, она себе поставила [цель], когда еще [училась], быть врачом. Так что она сначала поступила, по-моему, если память мне не отшибает, в Киров, он по-другому назывался тогда, а потом уже, когда с папой они познакомились, естественно, ходя в гимназии друг к другу. И когда она еще не закончила мединститут, папа уже закончил институт, и ему вот эту комнату дали на Плющихе для жилья, и он маму позвал, и они поженились.

00:10:32

Они вообще как приняли революцию? С воодушевлением?

Я ничего не могу сказать, подождите. Не почему... По-моему, они спокойны. Они были заняты работой и жизнью, потому что они поженились и посыпались, конечно, все родственники. Они срочно эту шестиметровку меняют на Арбат, четвертый дом, Кречетниковский переулок, дом 7, четвертый дом от собачьей площадки, на 27 метров комнату с печкой, две печки: одна печка в одном углу, другая в [другом], 27 [метров], тогда они ее перегораживают, эту комнату, 12 и 15 делают комнату, потому что и здесь родственников полно, и здесь родственников полно, и все хотят в Москву. К папе приехал брат, папа его уже устроил на работу. Очень хороший дядя Саша был, который потом в будущем погиб в войну. Но бабушка... Он поехал за вещами, а бабушка сказала: «Никакой Москвы». И не успел он оглянуться — его женили. Да. Дядя Саша, в общем, женился, и получилось, но этот, будущее, попал на фронт и погиб. Это в будущем, потому что остался в деревне. А маму с папой... В 1926 году у них Вова родился, мой брат, но он родился еще на Плющихе. Вот они переехали с братом, ну а в 1933-м появилась я. Всегда в доме была няня. Мама ехала в Ветлугу летом на коровье молоко, своя корова, и ей подбирали девочку смышленную, которая хотела учиться. Она ее забирала в Москву. Днем она сидела, значит, сначала с братом, потом, естественно, прибавилась я, тогда садов не было, таких ясель, только при заводах были. Сидела нянчила, а вечером она шла учиться. Мама контролировала это очень строго, чтобы... И тихо-спокойно, закончив там семилетку, тогда семилетка

считалась вообще, поощрялась, она устраивалась учиться дальше куда-то, какие-то курсы выбирала, но тогда не было такого огромного, как сейчас вот — институты, техникумы, а какие-то курсы, какие-то чего-то, всё. И когда девочка становилась на ноги, всё было очень хорошо, мама ее отправляла в плавание, добившись ей угла где-то чего-то как-то, и забирала следующую девочку, которая смотрела. Сначала нянчили Вовку, брата моего, а потом родилась в 1933 году я. Вот, значит, вторую. Тогда ясли были только заводские, а мама врач, папа [в] связи, он так на почтамте и работал, и тут никаких ясель не могло быть. Мама врач, она могла, но надо было везти куда-то очень далеко.

00:14:09

А вообще, получается, семья у мамы была какой-то зажиточной?

Нет, про зажиточность никогда разговора не могло быть. Это зарплата была. Папина зарплата и мамина зарплата, и всё. Нет. Просто тогда люди, понимаете, очень экономные были, и многие вещи, которые мы сейчас имеем вот так вот, походя, это считалось роскошью. Покупали конфеты только детям или по великим праздникам. Отличие было. А так, сахар. Всё как положено.

00:14:45

Вы себя со сколько лет помните? Примерно так.

Ну вот, так мы... Всё было нормально до 1936 года. А я родилась в 1933-м. В 1936 году вдруг ночью пришли и забрали папу.

00:15:06

Это было ожидаемо для него? Может быть, мама вам рассказывала. Это было ожидаемо для него?

Нет. Нет. Ночью спал, пришли постучались: «Такой-то такой, одевайтесь, пошли». И увели его. И всё. Больше никто... Папу не видели. Потом я бумажку только получила, его в 1936 году и расстреляли.

00:15:27

Ну вот, например, как вам... Если вообще мама вам рассказывала. Было так, что, например, его коллег начали арестовывать, была какая-то тревожная обстановка, шпиономания какая-то. То есть вообще не было каких-то причин?

Там никаких причин никому не предъявляли, а говорили: «Побольше молчи». Всё. Вот увели — и всё. Он только подошел, поцеловал меня, поцеловал Вовку и ушел. Я не знаю, знал ли, может быть, кого-то... Он занимал пост тогда — главный инженер секретной части Центрального телеграфа. И поэтому, не знаю, я когда за него получала деньги, это были 1950-е годы, я боюсь назвать вторую цифру, ну, 1950-е, я когда приехала и стояла в кассе, на телеграфе, ко мне подошла очень пожилая женщина — я небольшая, а она еще даже поменьше меня — и сказала мне только: «Милая девочка, у тебя был необыкновенный папа, умница, настоящий инженер, за что его — мы понять до сих пор не можем, но после него такого специалиста у нас не было». Это я вот выслушала и говорю: «Спасибо вам за добрые слова». Получила двухмесячный оклад его, тот, который он получал тогда. Это равносильно [тому], что в свое время медсестра работала, работала, имела 375 рублей оклад, а та, которая в настоящий момент работает, получала 650, отдавали 375 рублей. Просто я сопоставила тогда. Я как раз в кассе там, пришла, разыскала, где-то в задних мне показали вот это всё, со всеми документами, со всеми... И она ко мне [подошла], такая пожилая симпатичная женщина, очень пожилая, сказала: «Больше у нас такого специалиста не было». Мне было очень, конечно, приятно. «Ты, — говорит, — помнишь его?» Я говорю: «Нет. Я была совсем маленькая». Ну, 1936-й, мне три годика, и то — его же в апреле взяли, а мне три года в июне. Вот так вот. А маму выслали после этого. Лежал братишка мой, у него была ревматическая атака, и она его оставила с сестрой, с тетей Верой, своей родной сестрой. Мы с мамой, она меня подхватила, и уехали в Халтурин. Ей сказали, что «вот [в] это[т город] можете поехать, а здесь, в Москве, жена врага народа нам не нужна». Мама поехала туда, конечно, начала там работать, как настоящий человек, она и там всё поднимала. И потом мне рассказывали родственники, что к ней пришли, говорят: «Екатерина Дмитриевна, у вас такие знания, у вас всё. За что?» Она говорит: «А я не знаю. За что, не знаю. Ничего не знаю». Ну, побывав немножко в Халтурине, туда пришла разнарядка: взять столько-то. И когда... Этот городок, он такой родовой — этот сват, этот брат. Это мне потом на шестом этаже [на] Кузнецком рассказали. Вот, этот сват, этот брат, как трогать? Не придумашь, кого схватить. А это приезжие. Ну и что, с ребенком, подумаешь? Пришли ночью, ее забрали, меня в одеяло завернули и унесли. Единственное, что хозяйева, у которых мама угол снимала, умные люди, на другой день дали телеграмму тете моей. Тетя сорвалась, приехала, а

нет, нигде ее нету, всё. Она вернулась и не знает, куда идти. И ей подсказали, что надо пойти на Кузнецкий мост. В общем, она ходила, нашла, там была такая очередь таких, как она! Она стояла полгода. Да. Отмечались и знали, что каждый день они, ну, я просто от балды, сорок человек примут, всё. Остальные все поотметились и завтра приходят. И таким путем она отмечалась очень большое количество времени, я просто не помню. Она сказала, что она ездила, потом они как-то скооперировались, кто-то между собой, чтобы не каждый день приезжать, потому что впереди стояла колоссальная очередь, эти переклички.

00:20:49

Папу вашего арестовали, получается, в 1936 году.

В 1936-м.

00:20:53

И это было на глазах у мамы?

Да, на глазах. Дети спали, а мама стояла рядом.

00:20:59

Вот как она описывает, кто пришел, сколько?

А кто знает? Мне три года. Она при мне такие вещи говорить не будет.

00:21:09

И потом вы ее не спрашивали?

Всё. Попрощался — и больше его никогда никто не видел. На этом был конец с папой.

00:21:17

Ее через сколько выселяют? Что происходит?

Ее буквально, я не знаю, сколько, но ее предупредили, люди все были добрые: «Будь аккуратна». Потом е[е] предупредили, что она в Москве не имеет права быть, и ей дали Киров.

00:21:40

То есть ее как бы перевели с работы или ее вообще уволили с работы?

Уволили. Она возглавляла «детство» Краснопресненского района как врач-педиатр, организовывала ясли, сады, вот это всё курировала она везде, везде, везде. Как это можно — подчиняться жене врага народа? Всё. И мы уехали с ней вот в этот город маленький, Халтурин, где ей дали... Около Кирова где-то. Приехали, там стали жить, а туда пришла разнарядка, взять столько-то, и сунулись: этот сват, этот брат, этот родственник, а это чужая. Пришли ночью, меня в одеяло, а ее всё, меня туда — и до свидания. Хорошо, что были очень хорошие хозяева, у кого мама снимала угол, комнатку. Они сообщили быстро, то ли телеграмму дали, в общем, как-то сообщили в Москву тете Вере.

00:22:49

Говорили, да. Я хотела, знаете, просто еще уточнить, сколько вы в Кирове пробыли? То есть через сколько ее дальше арестовывают?

Вот это я ничего не могу сказать: не у кого узнать и об этом как-то разговора не было. Но она, чтобы знать, куда меня девали, ей подсказали: «Иди на Кузнецкий мост». И там она пришла, а там такая очередь! И принимают для розыска детей определенное количество заявлений. И стоят, знаете, как? Переписываются — на ладошке, здесь, как хочешь. Они договаривались и отмечались ходили, очень долго. Она, по-моему, в течение месяца ходила отмечалась, какие дни или чего, ничего не знаю, ну, я-то совсем кроха была. Это я рассказы только слышала потом. И она отмечалась, и наконец настал ее черед. Она пришла и там заполнила все анкеты, у нее всё это забрали и сказали: «Придете через месяц». Всё, она пришла. Где я? Где мама? Ну и всё. И вот, когда она пришла через месяц, ей дали адрес, в каком детском доме я нахожусь, и что мама отбывает свое наказание. Всё. Где? Ничего. Про маму ничего. И вот она узнала, где находится этот детский дом. Детский дом немножко помню. Мы сидели за очень длинным столом, почему-то мне кажется, мы не на стульях сидели, а перешагивали через лавочку и садились. И мы знали: здесь Петя должен сидеть, здесь Коля. Ну, просто это я абстрактно вам [рассказываю]. А здесь я. Все мы были наголо подстрижены, никаких девичьих причесок, ни-

ни-ни-ни, абсолютно. Только светленькие и черненькие головки, больше ничего. И она, значит, пошла на Кузнецкий мост, в КГБ, наверное, НКВД тогда было. Говорят... Сказали — через месяц она попала, сдала анкету, и сказали: «Через месяц придете за ответом». Пришла через месяц, ей дают глухую деревню, бывший, я не поняла, дом каких-то господ, переделанный под детский дом, вот это помещение. И она едет. Поезд на этой станции стоит ровно одну минуту, то есть там, знаете, меняется фонарями, чем-то вот эти вот. Вот одну минуту — и поехал дальше. И стоит дом, она сказала, что сбитый из досок. Это вокзал. Она вошла и говорит: «Вот у меня адрес, что где-то здесь находится детский дом». А ей стрелочница говорит: «Дело в том, что мужик сидит с лошастью, вы его нанимайте, и он вас туда отвезет». Это где-то в районе, я поняла, 20-25 километров еще надо было. В степь. Этот дом, я даже не знаю, как сказать, или купеческий, или какой, или чего, но если детский дом в нем, значит он немаленький. Она наняла его, этого дядьку, с такой вот бородой. Она говорит: «Мне так страшно было, а куда деваться?» Он ее повез, привез к этому [дому]. Она пришла вечером, попала туда вечером, и говорит: «Тишина гробовая, как будто никого и детей-то нет». Ну дети шумят. Гробовая тишина. И вошла, и всё, с ней разговаривают, говорят: «Идите, посмотрите». Длинный стол, с двух сторон сделаны лавки, не стулики, лавки. И, говорит, сидят с одной стороны дети и с другой стороны дети на этих лавках. Все наголо подстрижены, только головки светленькие и черненькие, все одеты [в] одинаковые кофточки или рубашечки у мальчиков, а у девочек платица такие же, вот как бумазей, как они называли, принесли и из него сами нашили и детей одевали. Вот так, все одинаковые. Вошла, и они говорят: «Ну выбирайте, которая ваша». «Я, — говорит, — вошла. Мама родная! Они все сидят за столом друг против друга вот так вот, получается. Обалдела. А как? Все бритые наголо. И вдруг голос раздается: “А я знала, что за мной моя Вера придет”». А я была ее любимица, она со мной много занималась, эта тетя. Они говорят: «Ну всё, ребенок признал, свой человек». Подошла медсестра, горбатенькая, и говорит: «Ну что, уже поздно, куда вы поедете с ней? Давайте переночуйте, а завтра этот же мужик вас отвезет на вокзал, к поезду. Знайте, что поезд стоит только одну минуту и вы должны успеть сесть в поезд». И вот, что она сообразила, так она... А работала медсестрой, оклад копеечный. И Вовка у нее жил, она его воспитывала в это время. И она за собой захватила только мандарин. Говорит: «Мы на другой день выходим»... Этот же дядька, который их привез, он их обратно на вокзал отвез, взяла билет, и стали ждать поезда в уголочке. «Я, — говорит, — кормлю тебя мандаринками». Чистит. Ну, тут детей нет, там не могла она, детей-то много, а мандарин-то она же привезла килограмм, медсестрой работала, копеечная специальность-то. И она говорит: «И вдруг подходит ко мне смотритель и говорит: “Пойдемте со мной”». Она говорит: «Куда?» Со страхом. — «Да не бойтесь, не бойтесь, ко мне в комнату. Вот там сидит банда, они договариваются, как вас ограбить». Она говорит: «А чего грабить-то? Билет я купила обратный, и у меня денег только на метро». А тогда метро было не так, как сейчас, пятачок или всё, а там были... Как-то по-другому. А, там отрывали билетки, я еще в войну помню, отрывали. Также бобина у нее была, ты отдаешь, она тебе отрывает билет и отдает, и ты с этим отрывочным идешь на контроль, чтобы пройти на эскалатор. Она говорит: «Да вы что, у меня вот только осталось только на метро денег, больше у меня и денег-то нету». «А им всё равно. Они, — говорит, — просто нахулиганят, и всё». И она взяла ее к себе в каморку, которая была два на два метра, эта каморка, посадила нас туда и говорит: «Я за вами приду, когда будет поезд подходить». «Теперь, значит, я, — говорит, — сижу, чищу тебе мандаринки, кормлю, и ты что-то мне рассказывае[шь], что Петя дрался с Колей, и так далее и тому подобное, как не разрешали, ну, как ребенок. Думаю: ну слава богу, хоть девка-то хорошо разговаривает, всё нормально. Ну, всё. Вдруг приходит она, эта стрелочница, и говорит: “Пошли”. Подвела к этому месту и говорит: “Ваш вагон вот здесь остановится, поезд будет стоять, в общем, две минуты, вы должны успеть”. Подошел поезд. Она помогла нам залезть в поезд, потому что, получается, там какой-то скат, в общем, она впихнула, говорит: “Теперь я спокойна за вас, вы доедете до дома”». Вот так вот. Приехали мы домой, по дороге она мне говорит: «Ты приедешь, Вовка больной лежит, ты ему не говори, что ты была в детском доме, ты скажи, что это был детский сад, и всё. И было много ребят». — «Хорошо, хорошо». Сели, значит, приехали — здравствуйте. Он счастлив до безумия, а он меня звал Титуха из-за того, что я очень любила мамину грудь, маленькую, он меня окрестил, но имя он же дал — Нина — и Титуха, из-за того, что я любила грудь. И значит, он счастлив, а лежит больной, у него ревматическая атака, ему плохо, но радости вагон: меня нашли. Всё, я к нему. Ну и чего-то смотрела, смотрела, а он не знал, что я в детском доме-то, ему не сказали. Просто сказали, что она там находится, мы привезем, и всё. И вот я чего-то увидела, говорю: «Ой, а у нас в детском доме такого не давали». Что-то вкусное на столе. Ну, естественно, в детском доме кто это дает? «А у нас в детском доме такого не давали». Она говорит: «Это детский сад». — «Нет, не детский сад, детдом. Мы же без мамы и папы там были, это детдом». Он смотрит, она говорит: «Да, Андрюша... Вовочка, милый, ради Бога». Вот так вот. Всё рассказало. Ну, он одно, второе, я ему, и потом из меня уже все эти новости, которые я выучила там в детском доме, потихонечку из меня выливались. Они только огребали.

Ну, вы знаете, нам это не давали, вот это нам тоже не разрешали.

00:34:18

Вы знаете, как вы там оказались вообще, как вас везли, например?

Не помню, три года.

00:34:22

Три года. Просто вы сейчас рассказываете...

Три года, просто когда мне это начали рассказывать, вспоминать, у меня в те года начало проясняться, что это было. А о чем мне не напомнили, так уже где-то там осталось сзади. Я, единственное, помню, что у нас был длинный стол, что мы все были одеты одинаково — у мальчиков рубашки, как вот принесли вот эту круглую, бумазейное вот это, из этого бумазея мальчикам пошили рубашки, а девочкам платья, — все подстрижены наголо. Ну, это правильно, иначе не спасешься от вшей, от всего. И стол был длинный. Когда я сказала, уже будучи побольше где-то, тетя Вера говорит: «Ты до сих пор помнишь?» А она видела этот стол.

00:35:20

Какие взаимоотношения у вас были, например, с детьми другими?

Вы знаете, не помню, три года мне было. Но чтобы, видимо, дрались или что-то, такого не было, наверное. Потому что такие острые вещи, наверное, бы отложились где-то.

00:35:39

Просто вы, когда мы с вами до съемки разговаривали, вы сказали, что «вот, а это меня детский дом научил отстаивать свое мнение».

Но там я сразу поняла, мне подсказали, что если ты будешь поддаваться, тебя лупить будут больше исподтишка, а если ты дашь сдачи, к тебе больше не прицепятся. Я сначала терпела, а потом стала отвечать. Отвечать стала, и меня перестали бить мальчишки. Понимаете, все дети были такие внутри озлобленные, их же всех забрали, это не я одна такая была. В тот момент это была, я даже не знаю, как полоса, когда приходили и разлучали: этих в этот детский дом, малышню до трех [лет] в этот детский дом, этих еще куда-то. Понимаете? Поэтому...

00:36:47

А там старшие, чем вы, ребята были, например?

Не помню. Ну мне три года было, не помню.

00:36:54

Но помните, что вы там дрались, да, с кем?

Во всяком случае, помню единственное, что я уже будучи в Москве, кто-то меня чего-то задел, потому что мне нотацію читали, что так делать нельзя, я крепко дала сдачи. И всё, и кончилось, меня больше никто во дворе не тронул. Пока. Потом я, тетя Вера меня привезла, дворник побежала в КГБ быстро докладывать, что вот она, ее девичья фамилия Рябинина, Рябинина привезла второго ребенка, нашла. Вот первое. А он бывший кулак был, дворник, дядя Иван. А кухня у нас была очень маленькая, только 50 квадратных метров, особняк, второй этаж имел кухню, но в ней очень мало, в основном на первом этаже у нас. Потом газ когда проводили, только наша плита была на первом этаже, потому что у нас потолки, знаете, вот эти скошенные, и поэтому не проходило, чтобы поставить газовую плиту свою там, в той кухне. В общем, тете Вере подсказывает: «Деда Иван уже побежал докладывать, что ты привезла ребенка». Она [говорит]: «Господи, у меня же денег-то нет, чтобы маме их отвезти». Она пришла на работу, она работала медсестрой, и там на работе сказали, быстро там организовались и говорят: «Вези их обоих, пока здесь опять к тебе не нагрянули и не забрали Вовку и меня куда-нибудь».

00:38:48

У нее, извините, у нее не было разрешения на то, чтобы вас забирать из детского дома? То есть она как-то договорилась там, получается?

Не знаю. Не могу сказать вам, не могу. Может быть, она когда была там, ей сказали, что «ваш ребенок находится там-то», и ей, может, какую-то бумагу дали. Я не знаю. Мне три года. Я не

знаю. И об этом она терпеть не могла разговаривать, ей было очень тяжело до самой ее смерти. Да. Она подхватила, заняла тут же денег еще раз, подхватила меня, Вовку и нас отправила, увезла в Ветлугу до бабушки-дедушки, под крыло. Ветлуга эта находится... Это Горьковская область, остановка была в тот момент Шарья, и от Шарьи еще 70 километров на лошади. Тогда машины не ходили. Вот эти 70 километров. Город Ветлуга на реке Ветлуге, Ветлуга — приток Волги. Привезла к бабушке, к дедушке меня и Вовку. Буквально через какой-то период времени, не знаю, сколько, сколько это прошло времени, и вдруг получает письмо от мамы. Вот помнится немножко головой, что стоит дядя, — по-моему, дядя Паша, их пять же дядей, но дядя Паша, который больше всех со мной занимался, дядя Паша и дядя Петя, вот они, — и дядя Паша читает это письмо почему-то. Или мне так говорили, поэтому у меня осталось, или я это видела, ну, три года.

00:40:50

Уже побольше, наверное, всё-таки.

Ну, три с половиной. Может, четыре, не больше.

00:40:56

То есть это всё события буквально одного года после ареста отца?

Да, да, да. Всё на одном году. В общем, короче говоря, письмо, от мамы пришло письмо. Она, когда... Ее посадили в поезд, меня в детдом, ее в поезд. Немцев помните Поволжья? Вот в те же года такие же, буквально в этом поезде вот эти люди ехали. Поезд останавливали в какой-то степи, люди выходили, грубо выражаясь, справлять свою нужду сколько-то минуточек. То ли там цепляли вагоны, то ли чего, не знаю. Ну, короче говоря, они ехали в поезде. Дети болели дико. Мама смотреть так спокойно не могла, и она тут же ходила и, так как мама очень хорошо знала гомеопатию, начинала, значит, выхаживать этих ребятшек, чем могла. И ее спрашивает один мужчина, кто он, не знаю: «Как вы с вашими знаниями попали сюда?» Она говорит: «Я сама ничего не понимаю. Я сама ничего не понимаю, но самое страшное, что я не знаю, где моя девочка. Я с ней была выслана, я уехала. А где теперь мой ребенок, я не знаю». И вот он ей там многое подсказал. А он был... Я не должна... Наемник или что-то, но только он не был этим... со статьей какой-то. В общем, короче говоря, она стала писать, а он отправлять.

00:42:57

То есть я правильно понимаю, что это был какой-то член, может быть, охраны этого поезда?

Может быть.

00:43:02

То есть это был сотрудник?

Может быть. Просто хороший человек, вот я могу назвать. И ответы шли на него. Ответы. То есть пока вот это всё длилось, пока всё это крутилось, и она там выхаживала, потому что все жили прямо в степи и один был арык, что ли, он называется, вода. Я не знаю, чем кормили, как кормили, что, чего, кто. Ничего не могу сказать, просто не знаю. Знаю, что это было в степи где-то.

00:43:43

То есть, смотрите, это было... Просто чтобы как-то, вы знаете...

Недалеко Ташкент.

00:43:47

Недалеко Ташкент. То есть мама была выслана, да?

Да.

00:43:50

То есть это не был лагерь? Или это было какое-то спецпоселение? Что это было?

Поселение, сделаны палатки, люди живут в палатках, поселение.

00:44:00

И она там была врачом?

Да, не она была, а она хотела быть. Она просто помогала людям. Она видела, что где-то болевают, она сама.

00:44:14

Но она еще участвовала в каких-то работах, да?

Теперь ее спрашивает этот и говорит: «Что ты?» Она говорит: «Я врач. Ребенок болен. Я давала клятву Гиппократу, и я обязана помогать». Ну, хороший мужик попался, хотя он из начальников был. Говорит: «Ну ладно, давай тогда, чтобы не было какого-то самоуправства». Она говорит: «Мне ничего не надо». — «А ты за что?» — «Не знаю». — «Как?» — «Не знаю, за что я здесь. Где мой ребенок, не знаю». — «Как?» — «А вот так». Ну и она ему рассказала, как ее выслали, как пришли ночью, как меня завернули, унесли, ее увели. «Не знаю, где мой ребенок».

00:45:00

Вот как раз про этот арест ее можете рассказать?

Вот. Он и говорит: «Садись и пиши». И она пишет письмо бабушке, письмо тете Вере. Он забирает у нее письмо, берет конверт, конверт подписывает своей рукой, кладет туда письма мамы. И она пишет: «Ответ пишите на него, на него. Что вы мне ответите». И посылает. Она в Ташкенте, но в степи, не в самом Ташкенте, а где-то окраина, степь. Ну, она занимается своей работой врачебной, она сидеть сложа руки не может, она бежит, она старается, чтоб дети пили кипяченую воду, чтоб не хватали ничего. Жара 40 градусов. В общем, она, короче говоря, всё, что может, она выкладывается полностью, не зная, где ее дети, куда они делись. Через некоторое время на этого мужика приходит письмо. Он приходит, говорит: «На тебе письмо». Вскрывает и объясняет, что меня нашли, что обоих взяли, бабушке в Ветлугу отвезли, у бабушки спрятали обоих нас, что мы, слава богу, живы, здоровы, и Вова тоже вроде бы ничего. А все врачи, которые в Ветлуге были, были ее друзья, они вместе росли. А у него стали они наблюдать эту ревматическую его атаку, как они, чего делали, не помню, это у меня в голове уже не осталось. И вдруг она получает, видимо, письмо, что Вовке стало хуже. От бабушки пришло опять на этого мужика, этот мужик приносит ей конверт, кладет в карман письмо ей. В общем, вот так вот начала мама переписку, узнав, где мы находимся. То есть, детей нашли, слава богу, детей, цыплят, нашли. И когда он посмотрел, вот этот вот, все дела ее и говорит: «Слушай, тебе срочно надо как-то отсюда выбираться. Как-то надо чего-то, что-то придумывать». Я не знаю, как они, чего они, как они сделали, но, короче говоря, может быть, она там пробыла год, может быть. В общем, короче говоря, мама едет домой. Ее посадили там и, видно, наказывают: ни в какие дыры, ни к кому не обращаться, ничего, приехала — и прямо сразу домой. Она приходит домой, все обалдела, она перед ними, в Москве. «Где дети?» — тогда она. Дети у мамы. Вовка тяжело болен. Она здесь. Как она? Лекарствами. Тогда ведь с лекарствами тоже было плохо. Может быть, она их купила здесь, может быть, что... Ничего этого не знаю, но помню, единственное, что было темно, ночь для меня, а лето или зима, не помню, но темно, но темно. И кто-то меня гладит по голове. Мама! Я съезжилась вот так вот, боясь, что я опять ошибаюсь. До сих пор помню, сколько лет прошло. Вот так вот. И она, значит, меня прижала, поцеловала. Вовка. А там все спали на полу, там не было кроватей. Была одна единственная кровать, деревянная, матрас набит сеном, потому что у бабушки своя корова, сена было вдоволь, сами заготавливали. Вовка лежит на кровати, на этом сене, а я спала с бабушкой. Я засыпала, бабушку вот так вот держала, пока не усну, а бабушка терпела, бедная, [пока] ручонку разожму. От бабушки никуда не отходила. Потом меня уже в детский сад там отдали, бабушкина племянница, она же крестница ее, открыла детский сад. Потому что я дома ей ничего делать не давала. Сначала меня возили далеко на санках, зима это была, я помню, что зима это была, в шубу заворачивали и везли в детский сад, назывался «Наугор». То есть у нас Ветлуга текла, и вот эта улица, и тут находился двухэтажный дом, где был детский сад. А потом открылся прямо напротив нашего дома. Тут уже я ходила одна. Я бежала в детский сад. Да. Я любила детский сад. А второй детский сад, который рядом был, была заведующей бабушкина крестница. А потом я была, видимо, всякая вот эта встряска, и потом я в другой среде же начинала жить, я, видимо, была очень хорошо развита. Я много стихов знала, знала песни. И когда я пришла в детский сад, я у воспитателей получилась как подпорье. То есть у меня быстро вот это всё проникалось, и я всегда везде выступала самая первая, стихия — я, песни — я. Это я помню.

00:51:27

Почему за бабушку держались?

А?

00:51:28

Почему за бабушку держались?

А потому что, во-первых, я, от нее, видимо, тепло шло, понимала. И спала. Она пробовала меня отдельно класть, ничего не получилось, так она мой матрасик клала около себя. Они с дедом спали на полу. Они не признавали кровати, она не признавала. У них сеном набитый матрас был двуспальный, она простынь стелила, две подушки и одело с дедом. А я рядом. Это детский матрасик, как они его «перинка» называли, ватные матрасики детские продаются, вот такой матрасик мне клали, тоже постилали. Но я должна засыпать, обязательно держать ее, пока вот я не усну, всё. У меня, видимо, был страх потерять. И я в бабушке видела защиту. А бабушка была замечательная. Как у нее терпения хватало со мной? И меня ведь там озлобило же, я же моментально давала сдачи, я не разбиралась, мальчик, девочка, нет. Там не было. Тронул меня — на тебе наотмашь. Только так. Защити себя сам. Это после детского дома у меня всё осталось. Защити себя сам. И вот я когда приехала, бабушка, и она тихонечко, тихонечко, тихонечко. И вот я у нее с дедом оттаяла. Пять дядюшек. Один из них играл на гармошке. Дядя Паша, который был рожден следом за мамой, во мне души не чаял. Там, если вот мы с вами садимся за стол, конфеты у нас в вазочке лежат, там такого не было. Садись чай пить, обязательно в пять часов чай, самовар гудит, всем выдавалась конфета. Дядя Паша прятал, и дядя Петя прятал свою конфету, а потом мне пихали эти конфеты. Вот эти два дядьки были. А эти сами. Три хорошо управлялись. А эти дядя Петя и дядя Паша.

00:53:43

Я пытаюсь понять, то есть они не были какими-то зажиточными?

Нет.

00:53:47

Просто корову свою... [нрзб] коллективизация, как это всё прошло?

Там все имели корову. Корову, во-первых, это был... Он и сейчас существует, этот городок, Ветлуга. Это частные дома, частные дома. Все-все абсолютно частные дома. Там коммунальных домов сейчас сделан отдельно городок. Недавно разговаривали, смеялись. Стали пятиэтажки строить, так кто частные дома, ходит [смотреть], они же, кроме как в кино, ничего не видят, не выезжают из Ветлуги, а Ветлуга — это частные дома. Улица Штурмина. Наш дом 20. Получается, 10-й дом с одной стороны, нечетная и четная сторона. У нас вот был дом 20, Штурмина. Через два дома угол, квартал.

00:54:48

Семья достаточно большая. Получается, никто в семье, например, по маминой линии не был репрессирован?

Нет. Нет. Нет.

00:54:56

А как они революцию приняли?

Вот я ничего не могу сказать, как они приняли, чего, я ничего не знаю. Это же 1917-й, а я родилась в 1933-м.

00:55:05

Нет, ну поскольку вы жили с бабушкой, к примеру, бабушка у вас была набожная?

Она, знаете что, она верила в Бога, но она не была фанатом. Она соблюдала большие посты, но она только большие, потому что семья была огромная, и если всех лишить мяса, их не прокормишь, этих мужиков. У нее же шесть получалось, пять детей и муж, шесть мужиков. И поэтому у нас не было того, что пост — всё, сиди на черном хлебе, на воде и так далее. Нет. Сама она немножко придерживалась, может быть, где-то сама, но никогда ничего, кормила как положено всю семью. Закон был — трехразовое питание: завтрак, обед и ужин. Даже вот обед. Был завод кирпичный, завод лесопильный, спиртовой, еще какой-то, и все они были... Вот Ветлуга течет, речка, и в нее впадает Красница, летом она как ручей, а весной большая-большая растекается. Так что вы думаете? Все с этих заводов, потому что они стоят на воде, к воде ближе, эти заводы-то, все идут домой обедать. Прямо тянутся. А в доме русская печка, утром мать, кто у них заведует хозяйством, всё [готовила] в русской печке. Приходит он, на столе уже приготовлен [обед], ели из одной миски, вот такой тазик. И всё, приготовлено уже всё, только входили, все-все мыли руки, садились. Кстати, все мыли руки, очень чистоплотные были. Садись, садись и в этот самый чугунок приносили, наливали и из одной таскали всё,

полушки, вот так, по кругу. Теперь наступало, когда уже первое кончалось, у нас дед [говорил] «С мясом!», и каждый вытаскивал свой кусок мяса. Там не было, знаете, мелко как-то, а вот сколько нас за столом, столько кусков мяса там в блюде. Берут мясо, ты с мясом съедаешь, а потом следом бабушка меняет этот тазик, в котором мы моем посуду в Москве, когда горячей воды нет, а там этот тазик на столе был, его снимает — второе. Второе — там что-то на сковородке или что-то, второе едят. А третье — это молоко стоит, крынка молока и стаканы, кто сколько хочет, корова своя.

00:58:03

То есть, получается, дяди, они где-то на заводах работали, да, вы говорите?

Летом работал кирпичный завод, круглогодично работал лесопильный завод, винокуренный и спиртовой завод.

00:58:18

Это вот вы описываете, это то, что было до войны еще?

И сейчас есть.

00:58:22

Я имею в виду, до войны вот они собирались все?

Да, да.

00:58:26

То есть получается, что вы голода не знали, и жили достаточно...

Нет, нет, нет. В войну их буквально в течение недели всех пять дядей взяли. А так как мама военнообязанная была, врач, она нас с тетей Любой, меня и брата моего двоюродного, посадила на поезд и отправила сюда, потому что она не знала, может быть, ей на фронт придется уйти. Врач.

00:58:54

Сюда — это в Москву?

А?

00:58:56

Сюда — это в Москву?

Да. Нет. Мы в Александрове жили, маме же не дали в Москву.

00:59:03

Тогда мы, мне кажется, чуть-чуть пропустили большой эпизод. Давайте тогда вернемся, вы вспоминаете, да, что вас мама гладит?

Мама.

00:59:10

Что дальше происходит?

Мама, всё, мама гладит меня, всё, всё, что она приехала, всё. Теперь мы с ней, она забирает меня, Вовку.

00:59:23

Перебью вас. Она рассказала, где она была?

В Ташкенте. Когда нас с ней разлучили, когда нас с ней разлучили, меня в детский дом, Вовка в это время остался в Москве с тетей Верой, потому что у него было с сердцем плохо, ревматическая атака, а она меня забрала, и в Халтурине мы жили. Тогда пришла разнарядка взять столько-то, и вот ее взяли, а меня в детский дом. Теперь тетя Вера меня в детском доме разыскала, мама стала писать письма из Ташкента, которые дядька отправлял, и на дядьку писали. И она написала, что Вовка лежит очень тяжело болен, не знают, что с ним делать. Это

всё в Ветлуге мы лежим, а тетя Вера из Москвы пишет, потому что вот так вот получается. И она загрустила, к ней подошел кто-то из этих, обслуживающего персонала, в общем, кто-то: «Что случилось?» Ну, они видят, что она всем помогает, врач. Она никогда... Быстро сама ориентировалась, лечила, очень хорошо травы знала, собирала травы. И говорит, она говорит: «У меня тяжело болен сын, и я ничего не могу сделать, вы понимаете?» Этот посмотрел на нее, говорит: «Пиши». И вот она два, что ли, письма кому-то написала, он забрал, сам заклеил, отослал — и ответ. И после этого ее отпустили, но она там, по-моему, год-то пробыла. Ну, наверное, год пробыла. И ее отпустили. Она сначала приехала в Москву, а Вовка находится в Ветлуге, и лечит его, по-моему, знаете кто? Сперанский. Вот у нас еще здесь, в Москве, есть Сперанский, профессор, его двоюродный брат там. И Вовка в тяжелом состоянии там. Вот она приехала сначала в Москву, потом туда, к бабушке. И я помню, что она приехала, было темно. Вот это я помню. И она, значит, поздоровалась. А я спала с бабушкой, с дедушкой. И меня ищет, а я спряталась под одеяло со страху. Это мне рассказали, я не помню.

01:02:03

Именно со страху?

А вдруг я... Обманули опять. Ведь сколько уже обманывали.

01:02:10

А то есть вы спрашивали, где ваша мама?

Ну конечно же! Ну конечно. И вдруг мама.

01:02:17

А что отвечали, где ваша мама?

Не помню. «Мама скоро приедет, мама, ты не волнуйся». Ну, как-то успоко[аивали], как ребенка. Не помню. Не помню. Ну, бабушка, у меня же бабушка была золото, золото. Она говорит: «Ну, мама приедет, ты же со мной. Я тебя никому никогда не отдам. Ты не волнуйся, я тебя не отдам, ты моя, моя». И вот я засыпала и вот так бабушку держала. Пока я не усну, она, бедная, уснуть не могла.

01:02:47

А мама... Когда мама приехала, вы ее внешность запомнили, какой она была? Как она выглядела?

Вы знаете, что? Она очень худая приехала. Я не помню сравнение, какая она раньше была, я не помнила уже, у меня, видимо, выветрилась, но вот я помню, что она была очень худая, очень много курила, очень много курила. И когда мы уже, нас с ней... Я ее боялась, что это самое... И вдруг я поняла, от нее, видимо, какое-то тепло шло, потому что я потом от нее не отходила. И было так, вот Вовка, она, всё... Она побежала к своим друзьям, кто врачи у нас там были, кстати сказать, там был, он в Москве есть, Сперанский, врач, врач, а это его двоюродный брат, ветлугай. Вообще, у них корень оттуда. И вот она побежала к ним и, значит, посоветовалась, они говорят: «Мы здесь ничего не сможем. У нас лекарств никаких таких нету, достать». И вот она договорилась, и мы уехали и приехали в Москву. Приехали в Москву. Я помню, что к нам всё время приходили какие-то врачи, но я уже себя спокойно чувствовала, я из нормальной среды в нормальную приехала уже. И вдруг Вовку кладут в больницу, Дзержинского тогда называлась она, сейчас она Сперанского называется.

01:04:36

Можно я вас перебую? Мама, получается, приехав в Москву, смогла устроиться на работу?

Нет. Нет. Она Вову определила в больницу, и ее в Москве не прописывают, не разрешают жить в Москве. А куда она денется? И она положила Вовку, в общем, она каждый день к нему летала в эту Дзержинку. В общем, моталась туда-сюда по своим врачам, и ей сказали: «Жди, не сегодня-завтра Вовы не будет». Да. И он умер в сентябре месяце. Не помню число, но в сентябре месяце это было, сентябрь, я хорошо помню. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Ему было 14 лет. И ей дали разнарядку в Александров, и мы с ней поехали. Она поехала в Александров, договорилась с работой, где она будет жить, потом вернулась, забрала меня и привезла. И отдали меня там в детский сад в Александрове. До войны.

- 01:05:40 **Я бы вернулась к вашей встрече с мамой. Получается, это вообще первый раз, как...**
К мамой... Спряталась я.
- 01:05:49 **Это да. Но это, знаете, не по действиям, а ваше общение. Вот вы такую маму представляли себе? То есть вы же говорите, вы ее не помните.**
Я, вы знаете что, у меня был какой-то такой страх. У меня даже ее представления, по-моему, никакого не было, но мне в тот момент было шесть лет, шесть-семь. Я маленькая еще была.
- 01:06:08 **Ну уже, мне кажется, можно было бы запомнить.**
Но мама, конечно, она меня прижала. Мама не была такая, чтобы [расцеловывать], нет, она не такая была. Она сердцем, она сердцем любила.
- 01:06:27 **Запах, я так понимаю, что сигарет был, да, от нее, вы говорите?**
Да, ну да, она ж курила.
- 01:06:32 **Она всё время курила или она там начала курить?**
Я не знаю, до этого курила она или нет, не знаю, не помню, а вот оттуда приехала, она курила. И у нее, и она очень много курила. Я помню, даже она, знаете, как курила, вот этот табак, «козьи ножки» делала. Вот даже такой табак курила, да.
- 01:06:54 **А характер у нее какой был?**
Она спокойно, она умела себя держать в руках. Она никогда пальцем меня не трогала, но только скажет «так нельзя делать», и было достаточно. И было достаточно. Но, когда я ложилась спать... А было так, вот ее кровать, полуторка, вот моя детская кроватка, я сюда. Она только легла, я — [раз] — и к ней под бок. Это я хорошо помню. И она уже стала по-другому [делать], она ждала, когда я усну, подхватывает — я уже семилетняя была всё-таки, большая, шесть-семь, тогда же в восемь в школу поступали, — перенесет меня в кровать, она же рядом, мою кроватку. И сама. Я ее вот так вот держу — и засыпала, видимо. Потом она приносила.
- 01:07:47 **А Вовка не рассказывал вам про маму? Он же всё-таки постарше.**
Он рано умер. Он в 1940 году умер.
- 01:07:53 **Но он же помнил, наверное, больше, чем вы.**
Я не знаю, не помню.
- 01:07:57 **Не общались, да?**
В 1940 же я маленькая тоже была. Чего мне там? Шесть, семь, восемь? Восемь не было, семь.
- 01:08:04 **Но похороны Вовки вы помните?**
Да.
- 01:08:08 **Могли бы о них рассказать?**

На Ваганьковском кладбище мы его хоронили. Ну, вот и всё.

01:08:17

Вы как-то уже понимали, что брата нет? То есть я имею в виду, как вы восприняли?..

Да, да, да. Для меня это была непонятная потеря. Я была, ну как, я даже не знаю, как правильно сказать, потому что тут же похоронили Вову и мама тут же поехала в Александров, там договорилась. И я помню, что она вернулась за мной, забрала меня, и мы сначала жили в старом каком-то здании, бывший детский сад. И представляете, группа. Огромная комната. Кошмар. И в этом же доме жили, также занимали комнату, соседи, получалось... Господи, в глазах даже у меня стоит она. Она открывала детский сад, и у нее сын Шурка, который был на год или на два старше меня. А так как эта комната была бывший детский сад, группы, то мы с этим Шуркой вечером носились как ошпаренные, потому что он уже ходил в первый класс, по-моему, а я ходила в детский сад. Он отдельно был. Меня мама приводила, но мы с ним как везде носились по этажам! Потом, я не знаю, сохранилась это в Александрове, это здание, или нет. Там Трехгорная мануфактура какая-то была, рядом находилась, это я помню. А вот мы с ним носились там.

01:10:05

А как мама пережила смерть сына?

Очень тяжело. Она умела себя держать. Она каждый раз только меня к себе прижимала, когда ей тяжело было. Я что-то делаю, она мимо даже никогда не пройдет, чтобы не заметить, то по голове погладит, то по спинке почешет, в общем, такое тактильное состояние было.

01:10:40

Ваша мама, она, мне как показалось, была очень деятельной женщиной. Письма, да, искать?

Очень. Очень.

01:10:45

Она отца искала?

Конечно. Тогда, по-моему, им пришлось какое-то, чтобы оставили всех в покое, и всё. И он шел как сын врага [народа], или сам враг народа, или чего, как-то в таком духе. Потом-то все другие бумаги-то о нем были, а вот тогда было так.

01:11:10

Я почему спрашиваю, она не знала, у него сейчас вообще какой приговор? Это был расстрел сразу же?

58-я статья.

01:11:20

Я имею в виду, что его расстреляли после этого, по документам?

Да.

01:11:23

Вот. Вопрос такой: она верила, что он вернется? Она его ждала?

Ждала. Верила, ждала. О том, что его расстреляли, я узнала уже во взрослом состоянии, когда документы все получила о реабилитации. Я о реабилитации получала документы, мамы уже не было.

01:11:47

То есть, правильно я понимаю, вы жили с ощущением, что папа жив и вернется скоро?

Неизвестно. Где-то есть. Потому что справки о смерти и слов о смерти не было. Где-то есть. Надежда.

01:12:05

Мама пыталась как-то, я не знаю, завести новые отношения?

Нет, слышать ни о чем не хотела даже. Я видела, около нее крутились умные мужики. Нет. Никогда у нас в доме ни одного мужика не ночевало. Вечером никогда не было. Это только днем, если что, кто-то приходил. Маму часто вызывали, она как врач шла. Звонили: «Екатерина Дмитриевна, у ребенка что-то, чего-то». Она: «Сейчас иду». У нее не было слова «нет». «Сейчас иду». Она одевалась и говорила: «Ты поиграй, я скоро приду, там заболел. Пойду посмотрю, что такое».

01:12:55

Как вам кажется, это было благородство или какой-то страх постоянный, что ее могут...

Не знаю. Страх может быть вполне, потому что брали всегда по ночам, днем никого не брали. Приходили ночью.

01:13:13

А кстати, для вас ночь, она является чем-то таким, каким-то тревожным временем, например, сейчас?

Нет.

01:13:20

А тогда?

Понимаете, я всё вот это, то, что свалился вот этот груз страшный, у меня он весь, по-моему, прошел и оттаял, когда я была у бабушки. Когда меня из детского дома привезли и тут же отправили к бабушке, где мной каждый божий день занимались дедушка, бабушка и пять дядей, и все меня любили. И вот эта вся теплота, которая шла от них, мне кажется, она мне очень много дала, и я не была озлоблена. Хотя выходящие дети из детского дома, они всегда очень озлоблены, и они себя считают несчастными, но они действительно несчастные. А мне они, видите, дали вот это тепло, и они во мне, видимо, вот эту струнку погасили, и погасили именно в том возрасте, когда еще можно было лепить чего хочешь. Единственное, что я очень хорошо помню, что каждое воскресенье меня заставляли устраивать концерт для дяди. Он играл на гармошке, а я должна была плясать. Это была обязанность. Полдник. Все сели, чай попили, после чая отдыхают. Так было. Самовар убрали, дядя Вася берет гармошку, дядьки курят, там в избе курили, там не было того, что, мол, уйди на улицу, покури, нет, потому что свой табак-то сажали, свой, у них всё было. «Нина, концерт». Я беру платок, у меня был платочек такой, одеваю, завязываю под губку. Всё. Я Акулина. Я танцую. Никаких ни частушек, нет, нет, нет, только танцы.

01:15:30

Акулина?

Акулина. Ну я Акулина, это я про себя просто говорю, что я обязательно должна была платочек одеть. Значит, я что-то изображаю, что-то изображаю. Просто так я не... А подстрижена я была наголо.

01:15:49

Вы сказали, что заставляли, то есть вам не хотелось танцевать?

Наверное. Я не знаю. Я плясала, «Камаринская». Играли. [Нрзб], я пошел, [нрзб] такой большой, и так далее, типа этого. А я шла и плясала вприсядку. И еще и как! Да. Дядьки хлопали мне, концерт.

01:16:18

А ваши ощущения, когда вы выступали?

Ну я не знаю, я ребенок была, ощущения, конечно. Я была кумирчик у них, я кумирчик была. Я вот сейчас иногда вспоминаю, когда началась война и мы приехали в этот дом, а дядек-то нету. Всех пятерых забрали. Дедушка с бабушкой только вдвоем. И мы приехали, я, тетя Люба и брат мой, Атька. Я вошла, а дом-то пустой. Бабушка говорит, что я говорю: «А дяди-то где?» — «Всех, милые, на фронт взяли». А я-то привыкла, что пять дядей.

01:17:00

Сколько вернулось с фронта?

Трое. Дядя Петя и дядя Паша погибли, а остались дядя Коля, дядя Вася, больной, прям весь избитый был, и дядя Володя, он не успел повоевать, он с 1922 года был рождения, и его... Как-то получилось так, что он на Дальний Восток попал, а потом, наоборот, его сюда. В общем, он не воевал. Дядя Володя.

01:17:33

Вы говорите, перебитый был. Что с ним было? Как это выразалось?

Он вернулся с фронта, дядя Вася, весь раненый. Но ему не... Как я, неправильно сказать... Детей нарожал хорошо. Значит, из шестерых четверо осталось в живых. Из них троих я в Москву вытащила потом, даже не троих, четыре. Брат двоюродный, получается, и три сестры. Из них две сестры по моей стезе пошли, на медсестер выучились, и обеих устроила в 71-ю больницу работать. Она открывалась такая, только построили там здание. Приехала со второй... Первую поехала, там поручительство надо было, я расписалась, что я ручаюсь за нее. А потом вторая приехала, а она работала в этот момент в Архангельске и была связана с заключенными, и она по характеру трусиха, Валька. И она говорит: «Нина, я приходила когда со своего здравпункта, я закрывала все, сколько замков у меня есть. Я боялась, что заключенные гуляли свободно по поселку. И всё было, изнасилования, всё там было. Я боялась страшно». И вдруг они в Москву приехали с Анечкой, с младшей, насчет Ани я уже договорилась, в 71-й больнице открылось новое здание, 71-й, теперь уже на капитальном ремонте, сколько лет-то прошло. И я договорилась, что ее... А я же уже в этом кругу работала. Только хотела сказать, присесть немножко надо, устала она. Смотри, она на пульт села. Ага. Меня-то уже все знали, я их вытащила. И получилось, что я... А эта приезжает и говорит: «Ах! Они в Москве будут жить? А я? Я опять пойду в Архангельск к этим заключенным». А лесоповал-то кто был? Заключенные в основном работали. Я говорю: «А ты что?» — «А я вечером никуда не выхожу из дома. Я боюсь, там насилюют. Вылавливают и насилюют». Я говорю: «Давай куда-нибудь пристроим тебя, придумаем». Она поехала тогда, уволилась. Да, она приехала, и ее пристроили. Но она Москву не выдержала, сейчас она в Ветлуге живет.

01:20:27

Она жива, да, еще?

Да-да. Все сестры живы. А медсестры в 71-й больнице, я их устроила. Первую устроила, теперь иду со второй к главному врачу. Он мне и говорит: «Слушай, ты что как баба-повитуха? Всех, что ли, собираешь?» Я говорю: «Ну слушайте, у них отец инвалид войны. В Ветлуге их родовом у нас все места медицинские заняты». Там прям в очередь встают, свое медучилище же. И потом всё вот, тебе 55 как исполнилось — всё, до свидания. Никаких не задерживают. Всё, на тебя уже очередь стоит, на это место работать. Я говорю: «А вы открываете 71-ю больницу, посмотрите, на Можайском шоссе. Какая больница [нрзб]». — «Ну ладно-ладно, давай. Ты-то у кого?» Я говорю: «У Шуровой». — «О! У Шуровой! Ну давай».

01:21:23

Нина Андреевна, давайте вернемся, может быть, в Александров, где вы еще с мамой, еще не началась война. Вы про отца у нее спрашиваете?

Не-а.

01:21:31

Почему?

А я не знаю. Тогда не принято было лезть с такими вопросами к взрослым людям.

01:21:41

Нет, ну вот мама вернулась, а папа когда вернется?

Мне семь лет, восемь лет. Знаете что? Это нынешние шестилетние дети... Тогда очень позже созревали, и такие вещи даже, я насколько понимаю, вот так вот анализирую, считали даже неприличным спрашивать, да. Потому таких, как я, были много, было же много, безотцовщина была страшная. И самое неприятное, что безотцовщина была вот именно не простых людей, который пьет и дебоширит, а умных людей. Дети-то оставались без отцов.

01:22:30

У вас в Александрове, говорите, был друг, а вообще, как сказать, вы там пошли, например, в школу?

Нет. Я в школу пошла в Ветлуге, в первый класс. Потом, когда бабушка умерла в 1943-м, мама меня забрала, я приехала в Александров с ней, а ровно через год — бабушка в феврале 1943-го умерла, а 22 января 1944 года умирает мама. Да. И мне всего-то еще даже 11 нету немножко. Значит, я в Александрове ходила в школу, приехала тетя Вера, мамина родная сестра, и видя то, что у меня растерянные глаза, значит, детский дом я жду, мама же умерла, кому я больше нужна теперь? И говорит: «Ты чего переживаешь-то?» Я смотрю на нее, она говорит: «У тебя вот такие глазки. Мы маму похороним и с тобой поедem в Москву, и будешь жить со мной в Москве». И я — ух — всё. Всё. Всё. Похоронили мы в Александрове маму. Я помню, что где-то вот так входишь на кладбище — и в правом углу где-то вот тут вот её похоронили, потому что за ней ухаживала, за ее могилой, тетя Таня. Это была наша приходящая домработница. Почему она приходящая? У нее было очень много детей, а у мамы было очень много карточек всяких положенных, мы не съедали с ней, и мама ей отдавала, чтобы прокормить этих ребят. Муж у нее прямо в первые дни войны погиб, а она не работала, тетя Таня. И она, значит, приходила и помогала маме по хозяйству, потому что мама работала 24 часа в сутки часто. Она мне говорила: «Ты ночью проснешься, а меня нету. Не пугайся. Значит, где-то заболел ребенок и меня позвали, я врач, я обязана пойти и полечить ребенка. Не пугайся, я тебе еще раз говорю». И тетя Таня, она очень много помогала по хозяйству, приходила. Иногда она с ней даже договаривалась, когда у нее какие-то такие на работе очень сильные дела, трудные, и она приходила только ночевать, тетя Таня со мной вечером была. Вот так вот. И потом тетя Таня уходила домой. Там не было никакого транспорта, все пешком ходили по Александрову.

01:25:16

Получается, бабушка без вас умерла, да? Вы не знали?

Это был... Бабушка умерла в 1943-м. В 1943-м. Мама приехала на похороны, похоронили бабушку, и мама забрала меня. И год... Бабушка 6 февраля, а через год, 22 января, умирает мама.

01:25:39

Я поняла. Это было его... То есть, по сути дела, мама была... Всё, всё, теперь у меня всё сошлось в голове, военнообязанная.

Да.

01:25:46

Тогда можно задам вам вопрос, как началась война, вы помните?

Да. Да. У меня день рождения 16 июня. В этот раз они собрались все, и как раз это было 22 июня. Это же было в субботу, по-моему, какой-то день-то, приехали, после 16 сюда. Сидели мы за столом, справляли мой день рождения, я бегала с этим... С Шуркой мы бегали, мальчишка, он на год старше меня, а его мать была заведующая детским садом, где мама работала, где врачом. Ну и всё. Мы бегали, играли, всё-всё-всё. И вдруг — ш-ш-ш... Вот какой-то шум такой. Жили мы в районе Калининской фабрики, такая там была в Александрове. Ш-ш-ш... Что такое за шум? Шум-шум-шум. Тетя Люба сидит, приехала из Москвы, тетя Вера, которая в будущем меня заменила, мама здесь, значит, и они три сестры родных между собой. И вдруг бежит сосед и говорит: «Екатерина Дмитриевна, Екатерина Дмитриевна!» — на маму. — «Что?» — «Включайте радио». Тогда телевизоров же не было, радио было, тарелки-то серые. Ну и включили: «Граждане Советского Союза...» Ну, в общем, тип на нас напал. Недруг, немец. Война. Это было 22-го, мой [день рождения] 16-го, а так как он на неделе, перенесли на воскресенье. Это было воскресенье. Это я очень хорошо помню. Мы на улице, и вдруг нас всех зовут, зовут, зовут с улицы ребят со страха люди. Ну и всё. Тетя Вера сразу встала и сказала: «Всё, я еду в Москву. Люба, давай поезжай забирай шмотки, какие тебе необходимые». Мама говорит: «Меня сейчас сделают военнообязанной, я могу дома не ночевать, не находиться, давай быстро поезжай в Москву, забирай тряпки, какие тебе необходимые, и к бабушке в Ветлугу. До Ветлуги немец точно не дойдет, потому что у нас город Ветлуга отстает от железной дороги с одной стороны 70 километров, а с другой стороны 50 километров. И город в спокойном состоянии находится». К бабушке, чтобы сохранить. Ну вот, всё. Тетя Люба сорвалась, чего-то схватила, и буквально сегодня она уехала, завтра она вернулась уже. Если я правильно помню и если только ей не досылали что-то. А муж ее в это время был где-то в командировке, он был у нее геологоразведчиком, с этим делом, по-моему, его не было в Москве, он был в командировке. Мама на вокзал, подошла к начальнику вокзала, и нас в какой-то вагон впихнули. Из Москвы уезжали в вагоне, только что наверху не сидели. Люди все бежали. Вот это я помню хорошо. Она посадила, мы доехали до этого, не до Шарьи, а Шарьи, я даже не помню, как мы добирались, 70 километров до Ветлуги. И нас спрятали, меня и брата моего, получается, тетя Люба с нами. И мама имела возможность, разрешение, и время от времени присылала посылки с продуктами, потому что тут же ввели карточную систему, где-то

прям всё сразу-сразу-сразу пошло. И там я пробыла с 1941 года, как была объявлена война. В 1943 умирает бабушка, умирает бабушка, мама приехала, забрала меня, похоронили, забрала меня, и сама... Это февраль, 6 февраля у бабушки. А на следующий год, 22 января, мама умирает в Александрове.

01:30:35

Вы говорите, что она буквально на ваших руках умирала?

Да. Она ушла в больницу за неделю. Она, знаете что? Она пробыла со мной полностью каникулы зимние. Даже мне что-то помнится, или, может быть, мне так казалось, что даже ко мне дети приходили на мою елку смотреть и поиграли мы, девочки мои, подружки. Но они ко мне часто приходили, потому что у меня было много игрушек. А тогда очень мало детям покупали игрушки, а у меня было много, и часто ко мне приходили. У меня было всегда три-четыре куклы. А там как одну купят, так с этой куклой ты и растишься. А у меня всегда было как-то так вот. И игры были всякие. Потом какие-то у меня игры были, ко мне ребята всегда липли поиграть, ну хочется же. Ну, а я человек была такая общительная, тем более я прошла детский дом, я понимала, что есть слово не «я», а «мы». И поэтому я всех — пожалуйста, только не воруйте. Я всегда говорила: «Только не воруй». Хорошо разве это было? Пропало. «Нет, я не брала, не брала». Только не воруй. Вот так вот. Ничего. Вот в 1943-м, в общем, в феврале бабушка умерла, а 22 января, в общем, 10-го были каникулы, кончились, 11-го я пошла в школу, прихожу домой, а мамы нету. «Теть Тань, а мама где?» — «Давай сядь, поговорим. Я буду с тобой, а мама пошла в больницу подлечиться». — «Как в больницу?» — «Да. Ну, ее же надо подлечить, ты же видишь, плохо же ей было. Она всё время задыхается ходит». В общем, мне что-то на уши вешает. Я пошла в больницу, а меня в больнице все эти няньки знали, что я дочка мамина, и главный врач в больнице был, как я его называла, Королев, самый мой лучший друг, потому что он рядом где-то жил и я к нему всё время в гости ходила. У него какие-то зверьки какие-то были. И как я приходила, он говорит: «Иди-иди, вон там они». А у него жена была немка, и он в Москве не имел права жить из-за этого, он жил в Александрове тоже из-за этого. И в общем, я к нему, к Королеву, всё время ходила, чуть не каждый день, к этим зверькам поиграть. А тут вот, значит, такое дело. Мамы не стало. Приехала тетя Вера, глаза у меня огромные: опять детский дом. Она говорит: «Нет, какой детский [дом], нет. Мы сейчас маму похороним и поедем с тобой в Москву. Будешь в Москве со мной жить». Фух.

01:33:43

То есть, получается, вы в больнице маму провожали, да?

Да, она ушла специально, чтобы я не видела, как она умирает.

01:33:53

А что у нее было? Что за болезнь?

Сердце. Она прошла сколько. Еще всё удивлялись, что она столько выдержала после... Мужа забрали, ее выслали, там она как работала на износ. Там же вот этих немцев Поволжья, там же черт-те что тогда творилось, детей больных везли. Она только успевала организовывать, помогать, крутиться. Наконец она узнает, что я жива, меня бабушке нашли, отдали, что Вовка дома, что болен, но он дома, что у нее всё. Наконец-то она письмо такое получает, что дети живы, что их никуда не забрали. А потом, когда ее начальник, врач, прочитал, ну письма эти читал, и говорит: «Кать, ну ведь там дело-то худо. Как быть-то?» И вот он ей помог выбраться из Ташкента. В Москве нельзя, и вот она приехала тогда, Вовку похоронила, теперь пошла к своим, где места есть в Подмоскowie, ну недалеко, и ей сказали: «В Александров давай». Туда всех отсылают, 101-й километр же. Вот Александров, по-моему, 110, если мне память не отшибает. Вот она поехала, всё договорилась и вернулась только тряпки-шмотки, потому что Вовку похоронили на Ваганьково, и всё, тряпки-шмотки, меня в охапку и забрала. И вот этот год я там ходила в школу. Три школы поменяла.

01:35:42

Сейчас, я тоже хочу вас спросить про школу. А вас, получается, в палату пустили, да, к ней?

Всегда пускали к ней. Для меня была зеленая улица. Может, кого-то и не пускали, я не знаю, но меня все гардеробщицы, все няньки знали. Я, как приходили, они меня знали, как зовут, Нина. И всё. Помогали.

01:36:05

Получается, она не хотела, чтобы вы видели, да, как она уходит? А вы?..

Да, да. Я к ней пришла 20-го, 21-го меня к ней не пустили. Я пришла, а мне эта говорит: «К ней нельзя». Она что-то мне наплела, в общем, какое-то лечение, наверное, что-то, чтобы уговорить. И сказала: «Всё в порядке с мамой, иди». А на другой день мама умерла, 22 января.

01:36:37

Вы злились на этих людей? Вы поняли, что вас не пустили тогда, что вы могли попрощаться с мамой? Вы злились на них?

Я не поняла этого. Ну, мне 10 лет было. Я не поняла, как это меня не пустили. Не пустили, и всё. 10 лет мне было. Я пришла домой, тетя Таня говорит: «Ты чего?» Я говорю: «Меня что-то к маме не пустили. Говорят, она спит, не надо ее тревожить». Она говорит: «Значит, не надо тревожить». А на другой день утром позвонили. Мы жили, квартира была при детском садике, специальная была райздравская квартира, у нас было три комнаты, веранда, два входа, два выхода, вход-выход. Ванная своя. Но ванная была такая, что детский, я не знаю, он как у них комбинат или как числился, но дети жили там, типа санаторного состояния, и их раз в неделю купали. А для того, чтобы купать, они, значит, грели котел. И вот в этот день и у нас шла горячая вода, тоже ванна была. То есть ребятишек купали. Она была санаторного типа, что ли, что-то в таком духе. В общем, это райздравская квартира была. И мы мылись одновременно, раз в неделю. А тут вот так вот. А потом на второй день уже мне, сели, говорят: «Сядь, мы тебе расческа...» Тетя Таня была, ходит зареванная вся. Я смотрю: что такое? Ничего не понимаю. «Сядь — тетя [говорит]. — У тебя мамы больше нету. Мама всё. И она сказала, чтоб ты была хорошей девочкой». И у меня страх, думаю: всё, опять детский дом. И вдруг... А уже вчера тете Вере сообщили, и она приехала. И вдруг тетя Вера появляется и говорит: «Не переживай. Маму похороним, и мы с тобой поедem в Москву, и ты будешь жить в своей комнате. А маму похороним здесь». Всё, успокоила меня. Ну, конечно, естественно, маму жалко, но я [думаю]: слава Богу, не детский дом, потому что я знала, с чем его едят.

01:39:27

То есть получается, что у вас даже было больше переживаний по поводу детского дома, нежели потери.

Да, да, да. Страх. У меня был огромный страх. У меня не то что переживания, а страх был. Там же в детском доме кто сильнее, тот и взял. А остальные все ходили по струночке. А я была такая свободолюбивая, и я не любила, когда мной командовали, поэтому я научилась драться. Так дралась, говорят, жуть одна. И вот когда я появилась в Ветлуге, а мы в Ветлуге пошли в первый класс, война началась, а брат мой двоюродный не умел драться, а мальчишки к нему же задираются: Москвич. И значит, какими-то словами такими вот. «Так. Кто брата моего обижает? В чем дело? Кто это сказал?» — «Мы больше не будем». А учительница оказалась подруга мамы, когда-то они вместе дружили, росли. И говорит: «Ну у тебя и дочка». А меня детский дом научил драться. Если ты будешь плакать, тебя еще будут бить, если ты будешь жаловаться, тебя обязательно будут бить. И, видимо, я вычислила и поняла, чтобы меня не трогали, чтобы я жила человеческой жизнью, надо один раз оплеуху дать, а за второй не полезет. И получилось, что все мальчишки стали мои друзья.

01:41:32

А вас, кстати, в школе не дразнили «дочь врага народа»?

Нет. Нет. Вот сколько себя помню, никто. Во-первых, в Александрове очень много было вот этих, которые были реабилитированы потом в будущем. Очень много. Это почему? Потому что Александров находится [за] 110 километров от Москвы, а, значит, кто-то должны находиться были не ближе чем 100 километров от Москвы. В Москву закрыт въезд. И поэтому таких... Даже я недавно какую-то статью читала, я об этом прочитала и смеялась в душе. Думаю: господа, во где я выросла. Нет. И там были очень хорошие люди, были очень. Вот я помню, Королев был, врач детский, по-моему... Я там сто лет не была. Детская больница была. Меня мама, что-то у меня с ногами было, чего-то такое с сосудами, и мама меня клала на обследование в больницу, но она каждый день приходила ко мне, и он. А потом я повадилась к нему в кабинет бегать. Свой человек. Они с мамой-то по-свойски разговаривают, соображение-то, а значит, свой. Если с мамой свой, значит, и со мной, мне свой. И я к нему как к своему, я всё время бегала. Я 10 дней лежала, мне обследование сделали и выпустили. Я, конечно, не помню, что там они, чего нашли. Мама пичкать лекарствами не любила меня, это точно. Я лекарства никогда... Не помню, чтоб она, знаете, как мамы: а, температура, на тебе таблетку. Нет, нет. Такого не было никогда.

01:43:28

Вы говорите, что там много было в Александрове, да, людей ссыльных?

Мы жили там с 1940 года фактически, получается, до 1944-го. До января 1944 года. Видите, мама-то всё время, потому что мама сначала приехала в Ветлугу, а места врача нет, а жить-то надо на что-то, и она туда-сюда, если даже она частным образом шла к кому-то, там денег-то у людей не было. Ну вот если у нее корова, тебе крынку молока дадут. Или если она, ну, карточки были введены уже, наверное, в это время, я просто не помню, то, значит, или они пекли там чего-то, платеж такой был, насколько я понимаю. А мама была такая, что она не любила, чтобы брать. Для нее это, она считала это, ну, ниже своего достоинства, и поэтому она вот только в самый последний момент, она, когда немец подошел к Москве, мама очень испугалась, что она опять меня потеряет, и она приехала в Ветлугу, вот это я помню. Она приехала, пошла к своим этим врачам, друзьям, с которыми выросла, и все места были заняты. Врачи, которые приехали в эвакуацию, рады были даже работать вместо санитарок, лишь бы только какую-то копейку иметь. Мама посмотрела, но нас спасало, что у бабушки своя корова, это много значило, ну и свой огород, картошка своя, капуста своя, лук, основное. И, в общем, мама, помню, приехала, и вдруг повернули немца, и мама тут же уехала. Уехала, и всё. И ей оттуда писали, что ее место свободно, никого нету, выручай, некому работать, и она, конечно, с тем, что она могла материально деньги переводить бабушке. В 1943 году умирает бабушка, в феврале, 6 февраля, мама приезжает ее хоронить, меня забирает, естественно, и там остается дедушка, тетя Люба с братом моим двоюродным. И я, значит, уезжаю с ней. Год проходит, а 22 января 1944 года мама умирает. Она все каникулы была дома, на больничном, что ли, или как. Я помню, что я была такая счастливая и довольная, ко мне и подружки, у меня всегда много очень игр, книг было, приходили мы, у нас хорошая квартира была, трехкомнатная, было где развернуться-то нам, и вот мы все эти каникулы, всё. И я пошла в школу, прихожу, а мамы нету. «А почему мамы нет?» — «А мама ушла в больницу». — «Как ушла в больницу?» — «Маме хуже стало, она пошла, легла в больницу». И она боялась, чтобы я не напугалась, [нрзб]. Чтобы я не напугалась. И вот она, значит, я 11-го в школу пошла, а 22 января она умерла, считай на ногах.

01:47:32

Похороны помните?

Да.

01:47:35

Просто есть фотографии...

Полгорода. Полгорода. Александров, он гористый. Вот запомнила единственное, что мы, я сижу около гроба, лошадь, машин не было, лошадь везет гроб. Я сижу около мамы, у изголовья, лицом же вперед везут покойника, у изголовья. Около мамы, держусь за гроб, он открытый. И вот мы, значит, вот так вот — и поднялись, поднимаемся. И я глянула назад, и я не видела конца людей. До сих пор в глазах стоит. Я конца не видела. Маму знало полгорода. Она никогда... К ней обращался если кто-то, она не сказала нет. Она даже делала так. Начальник, назывался он так, аптеки Мочалов, до сих пор помню, был ее большой приятель по жизни. Она... Лекарств не было. И она когда кого-то вела больного, она лечила, она к нему приходила, лекарства все на фронт, всё для победы, а такому люду-то уже ничего не оставалось, она смотрела, что у него есть в запасниках, и сама делала лекарства. Набирала вот эти порошки, все порошки, собирала, собирала, собирала. А потом говорила им: «Я всё собрала, приготовила, идите, там скажут, сколько это стоит, заплатите и возьмете». Сама даже взвешивала. Вот это я помню, разговор этот. И мне она говорила: «Если ты ночью проснешься, а мамы нету, не пугайся, это значит, где-то детка заболел и меня позвали. Я врач, я обязана посмотреть ребенка».

01:49:57

Вот этот, вы говорите, руководитель этой аптеки, он тоже был из ссыльных?

Да. Не знаю. Там Александров, он наполовину [из] таких людей.

01:50:07

А вот ваши учителя в школе, может быть, вы кого-то помните?

Нет. Школу совершенно не помню, людей. Потому что получилось так, что я там сменила за год, наверное, получается, две школы.

01:50:27

хотели что-то сказать? Хотели еще что-то сказать?

Там я дружила с девочкой, с Галей Логиновой, у нее отец — почему мы с ней подружились — вернулся с фронта, и он был ранен, я знаю, что в руку, и он вот так ходил, держал ее. Что-то такое, там был какой-то беспорядок, чего-то, что-то, не знаю я. Но... А Галя моя подружка-то, и когда мама узнала, она пришла, посмотрела его эти раны все, что у него творится, и ему все твердили, что надо руку отрезать. Она пришла к Мочалову, к этому начальнику аптеки, посмотрела, что у него, лекарства какие есть. Она собрала всё, что нужно, для его перевязок и внутрь, и она сохранила ему руку. Вот это я очень хорошо запомнила. Она всё сама, она взвешивала всё, а жена его пришла и оплатила, забрала, лекарства стоят денег. И начали делать перевязки с чем-то ему там. В общем, короче, сохранили руку. Остался... Пусть она была не такая, но она была. А ему предлагали... Нету. Вот это я запомнила. И мы с этой Галькой Логиновой очень долго дружили, пока там были. А потом отец... А отец ее, невзирая на руку-то, он был... Господи, как же она называлась-то? Молоко собирали они, короче говоря, как-то, в общем. Молокозавод, что ли, что-то в таком духе. И мы постоянно с ней... Галька таскала меня с собой. Как придем в цех, так нам эти... Ну, они знали, чья она дочка-то. Нас пихали сливками, молоком, я помню, в общем, чем-то вкусеньким, накормят нас — мы пошли. Вот это я очень хоро[шо помню], Галька Логинова.

01:52:54

Нина Андреевна, а вы были пионеркой?

А как же.

01:52:57

Вы помните, как вас принимали? Вообще, хотели ли вы быть пионеркой?

Вы знаете, хотела или нет, не знаю, нас целиком класс, раз, два — и всё, всех приняли. И принимали, это я была в Москве, уже школа была девочек. У нас отдельно мальчики и девочки учились. Это был третий класс. Третий класс. В третьем классе. Пионер всему пример.

01:53:25

Кто вам галстук принес?

Ну, они же такие девочки, старшеклассницы. Каждый, их на основном... Мы стояли, потом они подошли нам [завязали галстуки]. Знали, что эта у Кати взяла, а эта у Пети... У девочки. Девочки у девочек. Мы же девичья тогда школа, с третьего класса школы девичьи были уже для меня, поделены. И нам одевали.

01:53:53

Я к чему задаю [вопрос], вы чувствовали себя вот таким советским ребенком?

Да, да.

01:53:57

Или папа куда-то пропал?..

Нет, нет. Было в нас... В нас было вот это... Как, во-первых, какая-то ответственность появилась, и что это нельзя, это некрасиво, это неприлично, стало появляться. И потом надо помнить то, что сейчас 12 лет, а те 10 лет одинаковые были по разуму. Потому что нас война быстро сделала взрослыми. Вот в чем дело. Но однако же я помню гордость. Ну как же — тебе повязали галстук, всё, ты должен, обязан. Девочки, мальчики, уже все учились отдельно. Так что всё. Начиная с четвертого или с пятого класса, где-то вот тут вот, я даже боюсь сказать твердо, потому что мы, во-первых, с восьми в школу пошли, не с семи. Я помню, что мы ходили в гости к мальчикам с учительницей, строем по паре выстроенные с подружками. Я с Олей, первая Таня, Таня. Мы приходили к мальчикам: «Здравствуйте, здравствуйте. Мы к вам на вечер пришли». У них какой-то там отмечался праздник, и вот мы стоим табуном — девочки, а этот табун — мальчики. Ну а нам по 11-12 лет. Нет. Значит, мы, этот табун отстоял, всё выслушал, сделал и табуном ушел. Это я запомнила. Особенно заметно это было не в Москве, а заметно было здесь, в Александрове. Я поняла теперь всё-таки, что мы, москвичи, более развитые, расхлябанные против провинциалов.

01:56:09

Как это выражалось? В чем это выражалось?

Ну, более, более смелые. Москвичи более смелые, те более стеснительные. Вот это точно. И когда я появлялась, а я-то смесь получилась — и там была, и здесь была, — и когда я

появлялась, меня одергивали всегда: «Это неприлично! Это некрасиво!» — «А что я сделала особенного? А что, я ничего не сделала? Нормально!» Я всегда возмущалась.

01:56:46

Из-за чего, например [нрзб]?

Я даже не могу сказать, как даже сказать, но я помню, что девчонки: «Нина, ты чего? Ты чего? Не надо». Я говорю: «А чего ты боишься-то?» Меня мальчишки боялись.

01:56:58

А влюбленность когда у вас первая такая была?

Ой, это я большая совсем была уже. Во-первых, мы мальчики и девочки отдельно учились. Это много значит, между прочим. Это много значит. И мы если в год три-четыре раза приходили к мальчикам, на какой-то вечер нас приглашали, и мальчики к нам также столько же приходили, но они табуном сидели и мы своим табуном сидели. И табун этот сам пошел домой, и этот сам пошел домой. Такого не было.

01:57:35

Ну, не любопытно же, вот он сидит [нрзб].

И когда соединили, вот когда соединились, всё по-другому стало. А здесь было, смотрели, как смеялись, мы смеялись, как на чуму, на мальчишек, с ними только драться.

01:58:12

А свою женскость вы когда почувствовали?

А это я большая уже совсем была. Нет-нет-нет, я женское, это я где-то в медучилище уже.

01:58:03

А вообще, вы думали о внешности, о красоте своей? Вообще, вы себе нравились? В подростковом возрасте?

Да, да, это где-то, считай, да, да, да, техникум.

01:58:12

То есть только в техникуме вы стали думать о внешности?

Да, да, да. И вот тут я сообразила, что надо задумываться о том, чтобы что-то... Надо приобретать быстрее в руки специальность, чтобы я могла сама зарабатывать и стремиться к этому, чтобы... Но тетя мне сказала: «Без специальности ты никуда работать не пойдешь». Но многие девчонки уходили с шестого, с седьмого, они переростки были, потому что если ты приезжаешь из провинции в Москву, тебя сажают на класс ниже. Считают, что там учили плохо, здесь хорошо, и волей-неволей девочки в 16 лет уже получались как на вылете. А в 16 лет паспорт был. И вот это я хорошо запомнила, что только с 16 лет, а работать-то многим приходилось раньше, и многие устраивались, когда в доме беда, то фактически кто-то работал, а остальные были такие внеплановые как бы подмастерья. Очень много было надомников после войны, очень много надомников было.

01:59:49

Это что значит, расскажите.

Вязали, шили дома, вязали, шили. Потом мужики какие-то организовывали типа артели, что-то такое, пока наше государство поднималось, да, артели какие-то были, чтобы как-то заработать какую-то копейку. И самое неприятное, что если узнавали, что ты где-то подрабатываешь, тебя судили. Да. Да.

02:00:23

У вас такое было?

Нет, я обошлась.

02:00:27

Но вы присутствовали, наверное, как [нрзб] другого?

Нет, слышала. Слышала, мне говорили, что вот этого судили, я даже не помню, но сажать вроде не сажали, но типа штрафов какие-то были, какие-то наказания. Я всегда возмущалась. А, вот кого еще преследовали, надомниц портних. Если я сшила платье вам и вы мне деньги даете — нельзя. Значит, мы договаривались, что вы мне не даете, а вы как-то тихонько, тихонько, чтобы никто не видел, не слышал, не знал и так далее. И я эти деньги не должна быстро потратить, потому что раз у тебя какая-то сумма завелась и ты пошла купила, извини, лишний батон хлеба, откуда, на чего, что? И люди были такие, что «я быстренько донесу куда надо».

02:01:27

Вы чувствовали, что это несправедливо? Вы думали о том, что...

Конечно, думала. Я считала так: если я кому-то сшила платье, почему мне не взять деньги? Я же сшила. Ну, потихонечку договаривались, как будто я тебе не платила, тихонечко отдавала, то так договаривались, то так. Ну, а потом не особенно... Если ты имела два платья, то это прекрасно, больше у тебя не было. Во-первых, сначала после войны не было материала. Пока начали работать Трехгорная мануфактура и вот это всё наладилось, это же не прямо с одного щелчка-то. Пока вот это всё, всё, всё. Я помню, что даже трудно было, когда я растила своих детей. Я посмотрела и побежала на курсы, чтобы узнать, как подшивать, как подделать что-то, чтобы объяснили. И когда я всё это прошла, я сказала: «Больше мне эти курсы не нужны, я уже всё». Так мне всё: «Нина...» Я говорю: «Садись и шей, кто тебе не дает-то? Ну, подумаешь, в три часа, как я, ляжешь спать». Я их всех уложу спать. Самое главное — правильно скроить. А когда кроишь, берешь так: положено, значит, три с половиной метра, предположим, на чего-то скроить, а у тебя денег на три двадцать хватает. Ты покупаешь три двадцать, и тебе надо эти 30 где-то найти. Вот ты с этой выкройкой крутишься. Я помню, всех спать уложу, приду на кухню и пошла мериться. Меришь-меришь, меришь-меришь, меришь-меришь. Ой, сейчас так вспомню.

02:03:32

Тоже задам такой женский вопрос. Вы помните, менструация когда у вас первый раз началась и как это вообще воспринималось тогда?

Тетя мне всё объяснила.

02:03:42

Сколько лет вам было?

Сейчас скажу, 12, по-моему, 12-14. Но как-то сразу, значит, нерегулярно потом. И она мне: «О, ты у меня женщина становишься». Я говорю: «А что это такое?» Она мне объяснила: «Будь очень аккуратна, — объяснила, — обязательно. Вот я тебе всегда говорила, что девочке надо каждый день подмываться, вот, а сейчас это вообще утром и вечером обязательно». Но она мне другим: «Может от тебя пахнуть, так что ты старайся два раза в день». И она мне показала, как делать эти валики, вата с бинтами, всё она мне это объяснила. А вот у подруги моей в семье было сколько? Три девчонки. Отец у них погиб. Нет, вернулся инвалидом и дома умер. У Вальки. Валя, Тоня и Людка. Мать, господи! Я к ним забегу, а она, значит, стоит и ворчит. Я говорю: «Тетя Поля, ты чего?» — «Надоели эти мне дырёнки!» И они, значит, она собирала вот эти все тряпки и, значит, скорее... Тогда не было, был каустик, не сода, ничего этого не было, после войны не было. А каустик был. А он такой, что его чуть-чуть бросишь — и он всё съедает. И вот она, значит, эти соберет их, как она говорила, сранки. «Вот сюда давайте их, сюда, ваши сранки». И вот она сама эти тряпки, каждую тряпку она... А негде было взять, в магазинах ничего не было. Вот так вот. Я говорю, сейчас я смеюсь, эти прокладки — какие хочешь, пожалуйста, ради бога, а тогда...

02:05:49

То есть было ощущение, что это что-то такое стыдное, что это нужно скрывать или?.. Просто вопрос телесности меня интересует.

Да, да. Ну, мы друг о друге знали, а так мы не подавали виду, что... Ты ходишь, гуляешь и делаешь дела, что у тебя менструация. Нет.

02:06:10

Ну и вот это вот, что «я теперь женщина». Страшно или что?

Я, например, это, во-первых, я могу сказать такую вещь. У меня они начались лет с 14, но у некоторых с 16 из-за того, что это война, голод, истощение организма. И когда подружки вот эти шестнадцатилетние узнавали, что у этой четырнадцатилетней уже, а у тебя нету, видимо, в них вспыхивал какой-то страх: что это такое? А у мамы другой был страх, что она до сих пор, как они называли, не носит, а это самое, не дай бог, она беременная. Я помню, что такие были. Помню кто-то. Я говорю: «Да вы что, обалдели что ли? У нас круг такой, что это к нам не относится, мы к себе мужиков не подпускаем. Они нам не нужны». А нас на чистку, нам чистку показали без обезболивающего.

02:07:20

Кто показал?

Вот на практике были. Были на практике. И женщине очень мало дали вот этого, это же не наркоз дается, а укол делается, ну и, видимо, чего-то мало дали. Она бедная так кричала. Вот лампочку [нрзб] будет висеть, да. Вот, по живому получалось. И все грамотные сразу стали, вся группа.

02:07:51

То есть это прямо при группе чистили?

Ну, мы это к концу увидели, это в конце. Мы слышали крик, всё. А потом узнали, вот нам показали вот это. Нет, нет, саму чистку мы не видели. Мы никто не видели, а просто нам объяснили, что ей делали чистку.

02:08:13

При этом я понимаю, что это послевоенное время и мужчин-то нет. И вот, казалось бы, наоборот, какая-то такая ценность должна быть отношений, семьи.

Вы знаете, что, во-первых, после войны очень долго было голодно. Потому что запасов нет, это первое. Второе — мужики не сразу начали работать. Потом. Они, значит, начали их, кончилась война-то когда? Весной? А они-то ведь не сразу пришли домой, чтобы посеять-то, они же пришли, до самой осени возвращались. Этот год был, он очень тяжелый был, очень трудный. А вот на следующий-то год уже было полегче, но не было запасов, чем сеять, ведь надо же это всё размножать. И я не помню, когда, но я помню, все кричали «Ура!», когда отменили карточки. «Ура! Наконец-то я хлеба наемся, сколько хочется!» Если в этот момент в булочную дважды привозили хлеб, утром и вечером привозили хлеб, то в эту булочную привозили три-четыре раза, потому что люди боялись, хватали. То они покупали одну буханку на семью, пять-шесть человек, как-то. А то они берут две буханки, чтобы наесться. Ну и всё, это быстро как-то, это быстро, прошло это быстро-быстро. Тут же прибавили где-то, по-моему, печь больше стали, выпускать, чаще машины стали привозить, полные, чтобы наелись, чтобы наелись. И как только наелись хлеба, вот тут прозрели сразу все, что, оказывается, есть и другие питания, питание, чего-то хочется еще к этому хлебу. Вот тогда уже только началось. Но это не сразу было, это не сразу, потому что ведь и отпускали с фронта не от того, что «а, мы кончили, закрыли — и все домой». Нет, партиями возвращались мужики-то, партиями. Что быстро начало пополняться население, это точно. Как вернулись, так бабы начали рожать, рожать, ух, сразу, не то слово.

02:10:51

А вы папу не ждали, что вдруг он вернется?

Нет, нет. Я как-то, во-первых, я его и не помнила, видимо. А во-вторых, я никогда не страдала по мужской линии, потому что у меня пять дядей было, мужчины, они все меня до безумия любили, я у них была игрушка. Особенно любили меня из них всех два дяди. Один — который был рожден следом за мамой, мама и дядя Петя. И второй был — дядя Паша. Он был рожден, значит, мама — 1901 года, дядя Петя — 1902 года, наверное, на третьем, потому что мама декабрьская, третьего года. И следующие... Дядя Петя и дядя Паша, которые меня до безумия любили, когда я родилась. И они до войны еще, когда папу взяли, меня разыскивали в детском доме и к ним же привезли-то. Больше всех они со мной возились. И они мне заменили папу, и я не ощутила вот этого, что нет папы. А когда после войны я приехала, вернулся раненый дядя Вася, дядя Коля и дядя Володя. Это те, которые со мной не играли, а мои не вернулись, дядя Петя и дядя Паша — они оба погибли. Вот мне было уже всё. Ну, мне уже было, что ж я, девять, я большая девочка была, больше даже, потому что это... Война, всех взяли, я не считаю... Я с 1933 года, значит, где-то в районе 10 лет.

02:12:57

То есть вот эту потерю вы ощутили уже?

Вот. А?

02:13:00

Эту потерю вы ощутили?

Да. Они больше всех со мной, особенно дядя Паша и дядя Петя. Они были... Дядя Петя был рожден за мамой, а дядя Паша буквально где-то... Мама 1901-го, дядя Паша 1902-го, но из расчета у него два года как-то, ну из-за того, что мама декабрьская, как-то вот высчитывалось, вот так как-то. И, в общем, они как-то шли, знаете, год девять месяцев, два года, два месяца и следующий появлялся.

02:13:36

Сколько детей было у вашей бабушке?

Десять. Десять. Пять мальчиков, пять девочек.

02:13:44

Погодки, да, то есть?

Ну вот они так были. Мама рождена была первая, декабрь 1901-го, а последний был рожден в 1926 году. И когда мама родила, значит, он рожден был в июне, по-моему, а мама родила тоже в 1926-м сына в сентябре. И на следующий год она кормила грудью. Она приехала на лето к маме в отпуск, ну, годовалый он уже был, еще Вовка, брат. И говорит: «Мама, так хочется наших ребят посмотреть всех». Будут собираться там, а у нас на набережной в Ветлуге, называли его «топтатагон», собирались, [она] говорит: «Хоть посмотрю, как наши выглядят, как, что, чего, пойду». Она: «Да иди-иди, я, если что, свою сиську дам. Я же еще...» Бабушка до двух лет кормила всех, пока другим не попадет, правильно сказать, наверное. [Нрзб] И мама идет домой, ее провожает какой-то парень, а наш дом был от края третий, угол, там такие кварталы — и наш третий дом. И у этого третьего крайнего дома она чисто слышит голос Вовки, сына, как он орет. И говорит: «Ты знаешь, ты меня дальше не провожай». Ей стыдно сказать, что сын там плачет. Это я помню разговор, рассказывали они, мне было 10 лет.

02:15:38

И бабушка Вову грудью кормила?

А она ему пихает, а он начал, а потом нюхнул, а не матерью пахнет. Засранец такой. Мама пришла, быстро его накормила — тут же [уснул], толстый был. Спать, спать. Тамара еще была. Они одного года, 1926-го, он сентябрьский, а она июньская. Вот так. Последней у них была она, десятая.

02:16:12

Вы знаете, часто говорят, такой образ есть Сталина — как, значит, отец детей, друг детей, отец народа. Вот для вас Сталин, не сейчас уже, а вот тогда, кем он был?

Нет, вы знаете, что? Я, как вам сказать, чтобы я ненавидела — неправда, я не понимала, и мне многое не говорили, и мне многое, мне только всегда говорили: будь аккуратна, не надо так разговаривать.

02:16:42

А как разговаривать?

Ну, в смысле, обсуждать, этих людей обсуждать нельзя, потому что они же знали, что мама была выслана, вот это всё, понимаете? Они же не могли мне еще вот этого сказать, объяснить, я не понимала. А потом, когда я наконец-то доперла, что, чего и почему, я поняла, что лучше всего держать язык с зубами.

02:17:13

А сколько это было лет примерно?

Это было 12, наверное. Тогда всё-таки мы попевали — в смысле этого — позже. Сейчас я в школе 15 лет отработала, и просто было сравнение, и я бы сказала, то, что мы имели в 12, сейчас они имеют в 10, развитость. Мы столько не читали, во-первых. Во-первых, было очень

мало книг и надо было в библиотеке брать. И дети, которые приносили из библиотеки, их спрашивали: расскажи, что ты прочитал. Тогда раньше было. Не всем это нравилось. И особенно мальчишки читать не любили, девочки еще читали, а мальчишки нет. Так что трудно всё это.

02:18:08

А у вас книжки были любимые какие-то?

А?

02:18:10

В детстве книжки были любимые?

Да. Нет, детские, детские какие-то были. Как раз я-то когда росла, успела, и потом они сохранились от брата, перешли мне. И какие-то были. «Чук и Гек» у меня осталась в памяти и какая-то еще такая вот книжка. А особо мы не читали, потому что даже я пошла в Ветлуге в первый класс, там не до меня было, там было всё на совести. Уроки ты должен сделать на совести, некогда было проверять, хозяйство же было.

02:18:53

Ну а в школе как вам про Сталина рассказывали? Не знаю, может, портрет висел в классе?

А как же! Это всё, вождь. Нет, это вождь, это отец родной. Так было преподнесено: это отец родной. А потом, когда уже многое узнали, и я была довольно возрастная дев[ушка], школьница, старших... Как-то чего-то мне под... Тетя моя говорит: «Нина...» Ну она-то больше пережила и сказала: «Нина, вот эти разговоры когда водятся, не будь здесь, уходи, тебе этого не надо». Она в душе ненавидела, показать она не могла, не имела права, потому что про нас прошелся каток: папу расстреляли, маму выслали. Это же ужас. Вовка больной остался. Ей надо работать, а Вовка больной. Она мечется здесь, тетя Вера, с ним. Медсестрой. А тогда медсестра зарабатывала, ой, я даже боюсь сказать. Если я начинала — 375 рублей, я помню. Санитарка — 310, я получала 375. Копеечные. В некоторых местах даже рубля лишнего не можешь выгадать на что-то. Надо хлеба, предположим, два килограмма, а ты берешь кило восемьсот, чтобы как-то стянуть концы с концами. И поэтому, понимаете, это всё. А тетя мне всегда говорила: «Самое главное — побольше молчи. Не надо. Не надо». Она больше же знала. «Молчи». Меня, конечно, хватало, она: «Не надо, успокойся. Успокойся».

02:20:56

То есть у вас что-то вызывало всё-таки, да?

Ну, конечно. Чувство протеста.

02:21:01

То есть что-то вы понимали, что вас как-то обманывают в школе или что-то несправедливое [нрзб]?

Вот. Было такое. Было, было. Во-первых, ума палата у людей, и они видели в нас детей, у которых взяты родители, мы люди второго сорта, третьего сорта. Дети второго, третьего сорта. Хотя наши отцы были и матери умнее, умнее умных их.

02:21:28

А, то есть это дети вас всё-таки дразнили?

Конечно. Так разговоры-то дома были. Откуда они? Они же с воздуха-то не взяли? Значит, дома были какие-то такие разговоры, что вот у нее отец враг народа. И всё. Я как-то быстро с этим... Почему? Потому что я росла больше у бабушки, и меня как-то особо не терзали, а я знала, кого терзают, слышала. И меня-то не особо терзали, потому что у меня дядьки были, которые меня вот так вот всю... Дрожали надо мной, как не знаю, как... Потому что мама была их любимица, самая первая в семье, она их всех нянчила, пока жила в доме. Там же ведь как? Пять лет тебе? Пять. Корзинку эту качать можешь? Можешь. Ну вот сиди и качай. А там лежит двухгодовалый. Чтобы он не проснулся. Это сейчас — как это, ребенка заставить нянчить? А ты что, мать, на своем месте? Нет. Тогда было всё, всё было по старшинству: ты старший — ты за всех отвечаешь.

02:22:48

То есть, получается, других детей дразнили, да? Вы слышали? Ну, я имею в виду, враги народа.

Было, было, дразнили: «Ты дочка врага народа». Дразнили, были, были, были. Когда я вернулась из детского дома, я же была в какой-то степени внутри всё равно, хоть и меня и так, и сяк, и эдак, озлоблена, я никогда не забуду: один мальчишка стал меня дразнить, я развернулась — и ему прямо по зубам, а у него зубы-то качались. Он домой прибежал: «Нина мне вот это». А, а он мне, значит: «Твой отец в тюрьме». Вспомнила, точно, это в Ветлуге: «Твой отец в тюрьме». Дома разговор, и он услышал. «Ах, мой отец в тюрьме? На тебе!» Как дала ему. А я прошла уже детский дом, а там так: если ты не умеешь, ты так в углу сидеть и будешь. Пару раз дай сдачи, и к тебе так приставать не будут. Я ему как дала, не рассчитала, а получилось по зубам, а зубы-то уже в шесть-семь лет, они уже не такие, корни-то коротенькие, они меняются. Ну, пришли: «Вот ваша Нина». Я говорю: «Да? Да? А вы его спросите, за что. Нет, вы его спросите, почему вы меня-то спрашиваете, за что?»

02:24:28

Ребенок, вот так вы могли сказать?

Вот. Они, значит, туда-сюда, а потом, когда он сказал, она говорит: «Откуда ты узнал?» А там какой-то Витька, Пашка, кто-то сказал, что у нее отец в тюрьме.

02:24:46

А это было, отец в тюрьме, это было как-то стыдно?

Стыдно, стыдно.

02:24:51

То есть как преступник?

Да, да, да, да, да. Это когда я получала справки о реабилитации, последние папины я получала на Кузнецком мосту. Никогда не забуду, какие там лифты, прямо, ой! На шестой этаж, наверное, за одну минуту, в общем, я с кем-то ехала, я еще подивилась. Ну, наши какие-то шебуршащие, а там — фьюить прямо. В общем, я приехала, зашла и он, значит, сидит такой солидный дядя с брюшком такой: «Нина Андреевна, мы очень извиняемся, что так получилось всё». Я посмотрела на него, я говорю: А почему вы должны передо мной извиняться за тех, кто это делал? Вы делали? Нет. Почему вы должны извиняться? Вы-то ни при чем. Вот они должны быть наказаны. Я бы могла сказать еще и лучше, и чтобы их семьи были наказаны, но семья-то не виновата, что он такой идол». В общем, я одному выдала вот в таком духе. Я говорю: «Вы понимаете? И поэтому я могу вам только единственное сказать: спасибо, что вы меня вызвали и даете все эти бумаги».

02:26:33

То есть реабилитация, она произошла без вашего участия? То есть автоматически?

Да. Нет, ну я писала, видимо, куда-то чего-то. Нет. Под лежачий камень вода не течет, там надо обязательно.

02:26:45

Вы помните смерть Сталина?

Да. Я не плакала. Я ничего к нему не имею, я ничего не могу сказать плохого, потому что до него много не доходило, это не секрет. Но сначала люди плакали. Я не плакала. Люди плакали.

02:27:13

А как вы узнали?

Объявление было прямо по радио. Да, да, да. Прискорбно. Траур.

02:27:23

А вы что делали в этот момент?

Не помню. Не помню, не помню. Не буду врать, потому что я не помню. Самое интересное, что дача Сталина находилась недалеко, там, где нам квартиру потом дали. Она же, знаете где, дача Сталина? Там теперь большие дороги сделали. В лесу она прямо вся. И у него на

Можайском шоссе, и у него три или четыре ограды. В общем, дом и одна, вторая, третья. И потом, когда он ехал нашими переулками иногда, мы жили, знаете какое? Арбатскую площадь представляете? Арбат вот так вот. И это «Прага». А справа, если вот сюда и буквально пройти 10 минут — и мой дом.

02:28:46

Это вы с тетей там уже жили, да?

Это наша квартира, папина, мамина.

02:28:51

А, ага.

Оттуда. Папина, мамина. Получается, вот эта «Прага». А ты идешь сейчас по Новому Арбату, и вот стоит этот монстр, как раз на нашем месте стоит этот дом-монстр, я его называю. Там всякие учреждения. И у нас получался, идешь — и там одни переулочки, арбатские переулочки, двухэтажные дома, некоторые мансарды, некоторые просто такие стоят все. Их очень много сохранили. Я как-то не очень... Давно была. Очень хочется теперь мне съездить и пройти, просто по ним пройти. Как сзади «Праги» обернешь — и прямо в переулок, вот сюда, и вот тут идти, Арбат, ближе к Старому Арбату. Новый Арбат, я ее, трубу, ненавижу. А вот старый Арбат... Все были, все переулочки, теплые, хорошие. А сквер какой! И там ведь находится американское представительство. Знаете, там где? Ну вот от них четвертый дом мой был. Серый, длинный, тянется Трубниковский переулок, дом 2, 4 ему номер. Дурновский переулок. Следующее казахское было представительство. Казахское. И после казахского представительства Трубниковский, дом 12, а 14 — мой. По нему сейчас машины ходят, как раз по моему дому. Двор был шикарнейший, люди золотые. Выпускали ребенка гулять, а бабушка около дома сидит вяжет на лавочке, около своей, входа в свой дом. Там же флигели, и как-то к каждому лавочка была, чтобы далеко не ходить. «Теть Нюр, спит в коляске там, заглянь, я пойду, там у меня керосинка работает. Я посмотрю, сейчас приду». — «Иди, не бойся, я покачаю». Вот так жили мы.

02:31:18

Как вы это помните?

Так я ж... Как мне не помнить-то, когда они росли, все следующие, на моих глазах. Я-то с 1933-го, а Арбат-то уже в каких годах сделали?

02:31:33

Я хотела как раз спросить, когда вы вернулись? Получается, вас тетка после смерти мамы, тетка Вера, да?

Да.

02:31:41

Она забирает вас в Москву. Правильно?

Да.

02:31:43

И где вы живете?

В нашей комнате. Сначала мама... Сначала папа кончил институт связи, и ему работа, Центральный телеграф, он распределен был, дает комнату на Плющихе, шесть квадратных метров. Ну как одному. Дом старинный, но со всеми удобствами, отопление. Ну тогда своя котельная была в подвале, отопление-то зимой. И я не знаю, какая вода. Горячая, холодная, не знаю, но водопровод точно есть, потому что там на Плющихе эти дома, если их не сломали, были красавцы необыкновенные, старинные красивые дома. Они были по четыре-пять этажей. И папе дают такую комнату, в квартире, шесть метров. Мама приезжает к нему, рождается Вовка. Но самое хорошее, что за забором медицинский институт, а она на последнем курсе. Она забирает с собой тетю Любу, которая за ней рожденная, тетя Люба нянчит Вовку, а мама идет туда учиться, а впоследствии в этой клинике она начинает работать. Идет учиться, и через каждые три часа тетя Люба... А тогда были, знаете, коляски какие, как таратайки, вот такие вот, открытые. Никаких колпаков не было, просто как корыто всё равно, на четырех колесах. Вот в такой таратайке Вовку привозит к ней туда, они договариваются где, она выходит, его грудью покормила и дальше пошла на лекции. Последний, выпускной год. Вовка

родился. А выпускной год. И вот она забрала. Шесть метров комната. Папа, мама, тетя Люба и плюс Вовка. Как жить в такой? Но дом. Я помню, когда мы приезжали, были в Ветлуге, получили в этих домах квартиры, комнаты, квартир не было. Слова «квартира» даже не было. Комнату. Такие красивые были. Но какие они были, квартиры, замысловатые, витиеватые! Ты приходишь — вот так вот прямо в них. Как они в коридорах там не путались, я не знаю. Я говорю: «Теть Шур, как вы можете? Я заблудилась у вас». «Ну ничего, — говорит, — мы привыкли». Теперь они посмотрели: им тесно, ребенок подрастает. И они начинают искать обмен. Какой? Здесь центральное отопление. Но не знаю, был ли газ, потому что первый газ, я видела, была на Домниковке, у Цветного бульвара, вот так вот краники открывались. Вот так вот. А здесь, я не знаю, был ли газ, но вот. И находят комнату с печным отоплением. Комната 20... Сейчас скажу, 25, что ли, метров. Но с печным отоплением. Две печки. Комната и вот эти два угла. Мезонин. И вот, значит, впереди два окна, папа тут же эту комнату перегораживает, делают, значит, из фанеры и туда насыпают, по-моему, опилки или песок, чего-то. Потому что я помню, что мы вот так всё любили постучать и что-то там сыпалось. И делают из этой комнаты две комнаты, 12 и 15 метров. И, значит, нянька с этим поселяется в той комнате, с Андрюшкой, а мама здесь заканчивает последний курс института.

02:36:02

И сюда же вы с теткой Верой возвращаетесь, правильно?

А?

02:36:05

Сюда же вы с теткой Верой возвращаетесь?

Тети Веры нет, она в Ветлуге еще, растет, растет.

02:36:10

Да-да-да. Нет, я имею в виду, что вот когда... Вы просто как раз сказали, что в Москве...

Да.

02:36:14

Вот там вы?

Да. Да. И эта комната у нас была до самого переселения. Всё, теперь мы живем. Эти две комнаты. Теперь папу стреляют в 1936-м, маму со мной выселяют, Вовка остается с тетей Верой, потому что больной лежал. Она остается. Мама возвращается из ссылки. Сначала нас выселили с мамой, потом меня, там пришла нагрузка: «это Колин, мой брат, это приятель, это тот — нельзя брать, а это приезжая. Ну и черт с ней, что она с ребенком-то. Подумаешь?» Пришли ночью, меня в одеяло — и в детский дом. А ее туда. Она так и обалдела: «Где мой ребенок? Скажите, где мой ребенок? Я сообщу, ее же приедут, заберут. У меня же сестры, братья есть». Ну всё. Сиди, мол, ты такая-то-сякая, наверное. Это я так предполагаю.

02:37:31

Я хотела спросить, может быть, вам мама не рассказывала про это?

Нет. Никогда.

02:37:36

Но тетке Вере могла рассказать?

Тетя Вера, она мне чуть-чуть рассказала. Ну вот я вам говорю то, что я, передаю, да. Много не рассказывали. И наконец...

02:37:48

Сколько просто народу приходило арестовывать?

Она в какой-то из этих вещей находясь, начинают болеть дети. И, конечно, она влезает, надо. И к ней подходит какой-то из... Он или из охраны, или... Ну, в общем, порядочный человек, я только могу сказать. «Слушай, за что тебя взяли?» Она говорит: «Я не знаю. У меня вот так вот мужа взяли, а сейчас я не знаю, где моя девочка. Не знаю».

02:38:24

Нина Андреевна, вы это говорили уже. Рассказывали.

Вот. Всё. И вот тут вот человек, если он жив, дай бог ему здоровья, если его [дети] живы, чтобы они были живы. Он ей помог.

02:38:39

Нина Андреевна, хотела еще, знаете что, чуть-чуть кое-что поспрашивать...

Давай.

02:38:43

...что пропустила. Во-первых, я не спросила про окончание войны. Помните вы этот тоже момент.

Очень.

02:38:50

Могли бы рассказать?

Ой, такая радость была! Орала как ненормальные, вся Москва голосила. Все мы кричали: «Ура! Ура! Наконец-то! Слава богу! Немчуру эту убили! Слава тебе, господи!» А перед этим их же брали в плен, и когда они шли, их вели как-то по Садовому Кольцу, и как наши в них и огрызками, и всем кидали. А что они сделают-то? Ничего. И помню, кто-то, кто-то сказал такое: «Что вы делаете? Они же подневольные. Их же выгнали, значит, воевать под пистолетом, за ними стояли фашисты, а это же немцы». В общем, в каком-то таком духе, что «вы хоть их оставьте, у них же также остались дети, матери, они такие же люди, как мы». Вот это я хорошо помню. Это было на Садовом Кольце, там, где сейчас Новый Арбат, Садовая-то вот так идет, вот тут их и вели. Но мы-то бежали, смотрели, нам-то в кино их показывали носатых, страшных, и черт-те каких, а это идут настоящие мужики, нормальные. Ну, просто такие обветшалые, потому что какие-то рваные шинели у них там. Но однако же было видно, что они всё-таки как-то сами себя аккуратно старались держать, почиститься, как говорят, помыться, как-то вот это всё. Потом у нас рядом, наш дом был 7, а [в] дом 5 попала бомба, прямо в центр дома. И этот дом восстанавливали. И вот тут мы на немцев нагляделись. Каждый день привозили машину немцев, они ремонтировали этот дом. Как же скрупулезно они всё делали! А мы же детвора, мне в тот момент было 11-12 лет, но это такие, которые сейчас 10 лет, вот такие мы были. И мы ходили, и мы сначала боялись их: немцы — у нас страх. А они на нас: «Киндер. Киндер». А потом мы стали к ним подходить. И им привозили обед, и они — со мной нет, но я видела, как с мальчишками они делились, хлеб черный, отдавали им кусочки. Там им [нрзб] дали, знаете, резали буханку-то и тебе давали. Получалось как бы две половинки, что ли, вот эти вот. И вот они ребятам пихали этот хлеб: «Киндер, на тебе. Мой киндер там». И они отремонтировали так этот дом — нашим русским делать нечего. Очень хорошо отремонтировали. А потом мы ближе это всё узнали, возглавлял охрану их татарин, и у него семья, мальчик и девочка. Девчонка нашего возраста. Мы с ней потом познакомились, потому что он когда стал делать, стали ремонтировать, то они, женщина, предположим, имела 20 метров комнат[у], они перепланировали — и ей доставалось 17 метров комната уже, то есть они выгородили. И вот он себе две комнаты небольших выгородил, сделал этот, и кому-то еще, по-моему, он. Это я не уверена, а вот себе-то точно. И у него девчонка, когда он привез ее откуда-то, она стала с нами вместе гулять, и мы от нее уже это всё узнали, и она поселилась в этом доме. И этот дом. Так говорят, что когда делали Новый Арбат, этот дом еле сломали. Рассказывали. Я говорю: «Как?» — «Да, дом пять-то, посмотри». Наш 7 был, а это был 5. Наш только тронули, он уже развалился, потому что он был какого-то, семьсот-какого-то года рождения, наш. А этот был после ремонта, после того [как] бомба [упала]. И вот как они его залатали, немцы. Но себе он выгородил две комнатки.

02:43:51

Вы говорите, что запомнили, что они такие же подневольные. Это как-то очень вас тогда удивило? Или наоборот показалось?..

Сначала мы боялись подойти к ним, потом всё больше и больше. Они нам «киндер-киндер». Мне ни разу, мне никто ничего никогда не давал, но потом я у ребят узнала, что они подлезали к ним поменьше мальчишки и они вот эти маленькие кусочки хлеба, что себе оставляли там, пихали вот этим маленьким. И разговор у них получался такой, что «мой киндер там остался, дома».

02:44:29

Если говорить о войне, вы, может быть, вспомните какой-то момент, может быть, между жизнью и смертью? Было такое, что вы попадали в какой-то очень...

У меня ни разу такого не было, потому что меня сохранили, меня к бабушке отправили, и я оттуда вернулась в 1943 году в Александров, мама. Уже их отогнали далеко. Я не чувствовала войны, потому что мама как... Я уж не знаю, как ее обзывать, но она какие-то литеры имела. Она, помимо рабочей карточки, то, что нам полагается, она какие-то дополнительные имела карточки. Во-вторых, она что делала? Летом она организовывала все столовые, чтобы днем они готовили, и они брали ослабленных детей, которые приходили обедать, а потом уже дети приходили в 12 до часу. А с двух до трех приходили обедать, которым полагается. То есть при этой столовой как бы больше готовили, чтобы накормить детей вот этих, но давали специальные карточки. Я ходила, и помню, каждый раз у меня они отрывали талончик там, и я получала обед из трех блюд. Суп, я не помню какой, но суп. Второе обязательно, никаких кусков мяса никогда, а если какие-то котлетки, лучше котлеты. И на третье компот, или кисель, или что-нибудь. Мама всё время заставляла меня пойти, потому что у нее не было времени готовить. И она говорит: «Нин, ну ты пойми, мне некогда готовить. Ну сходи, поешь. Ты же дома ничего не ешь, не хочешь». Вот так вот. Вот это я хорошо запомнила. И ходили мы, у всех была мисочка, ложка и кружка. В миску ты, значит, суп даешь, пришла на свое место, села, съела. Теперь ты идешь с этой миской, тебе второе дают. И соответственно, ты со стаканом — и несешь. Сначала одно отнесла, потом стакан идешь, потому что вынести и стакан, и второе — ты перевернешься. Боялись. Вот так вот. Я помню, ты садишься на свое место, съел, пошел.

02:47:08

Вас принимали в комсомол?

Да, а как же?

02:47:13

Там нужно писать биографию же родителей, да?

А вот тут я написала, по-моему, «умерла». Мама-то умерла у меня на руках. Мама умерла. Папа умер.

02:47:27

То есть не говорили, да, что?..

Не-а. Это было медучилище уже, я большая была. Мы же, во-первых, в первый класс шли в восемь лет, тогда же с восьми принимали в школу. И еще, если ты возвращаешься с провинции в Москву, на класс ниже сажают.

02:47:46

То есть, получается, ваше медучилище, оно уже было... Просто я пытаюсь вычислить, Сталин умер в 1953-м. И получается, что 20 лет вам было уже тогда. То есть вы уже тогда учились, да, в медучилище?

Да.

02:48:00

Я хотела спросить, были какие-то препятствия для поступления?

Нет. Я никогда нигде этого ничего в анкетах не писала.

02:48:12

Осознанно это делали?

Я когда приехала, тетя забрала меня к себе, ну, в пионеры это не требовалось. В комсомол я в школе не вступала, я в комсомол вступала в медучилище. И когда мы разговорились, она говорит: «А ты нигде не пиши».

02:48:31

А с кем вы разговорились?

А?

02:48:32

С кем разговаривались?

С тетей моей. Тетей Верой, которая растила меня. Вот они, вырастила, она не только меня вырастила, она обоих моих ребят вырастила, и Свету, и Андрея. И такие талончики ее были, она мне так за них блямс давала, будь здоров! «Это неприлично, это некрасиво, и не смей такие вещи делать для ребенка. Ребенку необходимо вот это, это, это. Всё самое лучшее». Особенно Андрея она вообще...

02:49:07

А у нее была семья своя?

У нее, да. Да, была. Но вот 1937-й и ее тоже настиг. Его. А ее не тронули. Хорошо, что они не были расписаны. Тогда же многие начинали жить не расписываясь, не оформляя ничего. И когда у них рождался ребенок, они бежали расписывались, чтобы оформить ребенка. А так сходились и жили спокойно, не думая, что вот эта печать им погоду какую-то сделает, не думая об этом. И поэтому нет. А у нее получилось так. Они сошлись с дядей Колей, у них ни кола, ни двора нету, и он поехал в командировку зарабатывать деньги на Дальний Восток. Он уехал, и началась война, и он там застрял. Там же начались у нас карточки, уже пропуска на железную дорогу. Ты не можешь пойти купить билеты — и поехал. Нет, пропуск надо иметь, оформлять там всё, если тебе надо чего. И дядя Коля оказался на Дальнем Востоке, а она оказалась здесь. Хорошо, что у них не было детей. Но тогда очень многие, которые жили гражданским браком и считали, что это в порядке вещей.

02:50:35

А как так получилось? То есть на Дальнем Востоке он... Как-то его арестовали?

А у него... Нет. Нет. Его не арестовали. Он поехал работать.

02:50:44

А, вы просто сказали...

Командировка. Командировка. Поехал он. Они должны были какую-то там сделать работу очень большую, и он надеялся, что он получит деньги для будущей жизни, что они как-нибудь, что-нибудь. Потому что у него сестра его родная, тетя Шура, пела в хоре Свешникова, красивая была, у нее был сын Борька, он погиб в первые дни войны, Борька. Мужа я никогда тети Шуры не видела. А вот мать их Марью Никифоровну я очень хорошо запомнила. Она вообще, они из Ветлуги тоже, из Ветлуги, откуда и наш род. И приехали, в Москве также поддерживали между собой. И вот тетя Шура, она пела в хоре Свешникова. Бабушка старенькая Марья Никифоровна занималась хозяйством. А у тети Шуры был сын, но я его очень плохо помню. И почему-то он жил не с ней. А почему, я не знаю, я девочкой была совсем еще. Школа была. Это где-то был пятый класс, шестой класс, вот так вот.

02:52:03

Получается, мужа тети Веры, просто как бы война их разлучила?

Вот. А ее... Дядя Коля, он же тоже, получается, ветлугай, только здесь вот. Он в этот момент уехал куда-то в командировку и попал под войну.

02:52:21

И не вернулся, правильно?

Закрита Москва-то была.

02:52:24

Ну после войны, я имею в виду.

Вот. Теперь кончается война, уже похоронена мама, всё, Москва закрыта. Вот если нам было с Александрова попасть в Москву, мама на работе делала какую-то командировку, что она в Москву командирована, чтобы ей съездить в Москву. Всё закрыто было. И, в общем, короче говоря, они очень долго не переписывались, в войну очень много не передавали писем, выбрасывали, и она даже не знала, где в настоящий момент находится дядя Коля, тетя моя. Теперь похоронили маму, бабушку, маму — его всё нету. Всё ничего нету. И вдруг... Я вот тут могу немножко напутать. То ли тетя Шура приехала к нам, а она пела в хоре Свешникова, приехала к нам, то ли тетя Вера к ней заехала навестить Марью Никифоровну, [узнать], как дела? И вдруг она говорит: «От Коли весточка пришла, он жив. Только...» Тетя Вера глаза

вытаращила. А ей ничего. Ну, не хочешь, не надо, мало ли что. Она: «Что я, навязываться [буду]?» Она вообще-то очень гордая была такая. «Я навязываться не собираюсь, всё». И, в общем, короче говоря, всё. А он там попал среди заключенных где-то, и, в общем, короче говоря, ему сохранили жизнь кто-то. И он как бы обязан прикрывать тоже кого-то. Это какой-то, вы знаете, я даже боюсь сказать, потому что я сама еще ребенок была, я только глазками хлопала, и всё. И вдруг... Я помню единственное, что я еще была совсем девочкой, даже еще, мне кажется, в школу ходила, но не в медучилище. Вдруг стук в дверь. «Войдите». И входит какой-то дядька. Я на него глаза вот такие: откуда? А у тети Веры, она надомницей работала, я чувствую, руки вот так вот упали. Я на него, на нее. А я сижу уроки делаю за большим столом, а за письменным она работает. А надомницы эти, компания, и сидит, одному надо сделать портрет, и она обводит его, выделяет его, потом она ему манишку делает, потом она ему костюм делает. В общем, всё это в каких-то пропорциях, высохло — дальше, высохло — дальше. И, в общем, это переходит, потом делает портрет, ретушеры галстук вешают, и всё наделают, и красоту наводят, и брови поднимают там, и накрасят, и ресницы поднимут. Красоты необыкновенной кто-то сидит в портрете. Ну, вот это она, ее это первая работа, чтобы ее выделить с этой карточки. И вдруг входит дядя Коля. А я-то не знаю, что он дядя Коля, — мужик, с бородой, так вот как-то, черненькая. Я на него глаза, на нее. У нее такие растерянные глаза были, я боюсь сказать даже. И она и говорит: «Нин...» А я уроки делаю. «Иди погуляй. Иди, иди. Немножечко погуляй». Я обалдела. Ну, тебе приказывают, как я не могу взрослого послушаться? Я оделась, ушла. Сижу на лавочке около дома, у нас прямо сразу была у выхода лавочка. Сижу на лавочке. Какой-то дядька пришел к нам. А кто это, не знаю. Ну, я долго сидела на лавочке. Потом иду домой, стучусь в дверь. Она: «Заходи, заходи, заходи». Он сидит, они разговаривают, а ей работу надо сделать. Она говорит, в общем, она его пригласила то ли с нами чаю попить, то ли что-то, я сейчас уже не помню. Он говорит: «Нет, я ничего не хочу, ничего. Единственное, я рад, что я маму хоть живую застал». Мама такая, совсем плохая, Марья Никифоровна, стала. Она говорит: «Да, я знаю. Ну, я не очень давно у вас была, разговаривала с тетей Шурой». Тетя Шура поет в хоре Свешникова. Ну, в общем, они поговорили. А откуда я знаю, что за мужик? Я молчу. Мое дело молчать. А потом, когда он, по-моему, ушел, если меня память не отшибает, а я ее боюсь спросить. Боюсь. Думаю, если... И, видимо, у меня в голове: если надо, она сама скажет, а если не надо, не лезь. А потом она, он ушел, потом он вернулся, и она говорит: «Нин, это дядя Коля, Марья Никифоровны сын». А я по словам-то слышала, что такое есть, а кто это, к кому? И вот я его увидела. Он говорит: «Нинка, я ж тебя-то помню, знаешь, какую маленькую? Тебе годика три, наверное, было, когда я тебя последний раз-то видел. А ты, посмотри, какая огромная стала». Ну я глазками хлопаю, ребенок есть ребенок. Всё, и он остался у нас.

02:58:54

И они жили вместе дальше?

Ну вот, они сколько-то... И почему-то всё какие-то такие у них были разговоры. Я-то не знаю, я, во-первых, в школу уходила, меня нету, гулять уходила. Она надомницей работала-то. И вот они парой сидели, спорили, чего они делили, что они делили? Не знаю. В общем, короче говоря, кончилось дело тем, что... А, вот он, это мое предположение, он ее стал уговаривать, чтобы она с ним поехала туда, что его здесь не прописывают, чтобы она поехала. Она говорит: «А как я могу ехать, когда у меня Нина? Как я ее брошу? Я Кате дала слово, что я ее выращу, доведу до ума. Ты понимаешь это или нет?» — «А мы ее с собой». Она говорит: «Да ты что, квартира-то пропадет. Она что, без площади останется на будущее? Ну ты что, давай наоборот, давай ты как-то перебазируйся сюда». В общем, какие-то у них такие, я же еще ребенок, до конца [не понимаю], но у них никогда почему-то не было такой, ну как вам сказать, какой-то такой теплоты, что ли. Каждый чего-то, чего-то свое хотел, как я понимала. В конечном итоге он отбыл здесь месяц, если... Может, больше, я не помню, ну, еще ребенок была. Он говорит: «Всё, я возвращаюсь». Она говорит: «Возвращайся. Я Нину не могу бросить. Я Кате дала слово, что я ее доведу до ума. Я остаюсь с Ниной». И что вы думаете? Тетя Шура ему нашла какую-то женщину, познакомила их, эта женщина поехала с ним туда. Вот так вот. Это я уже узнала спустя, может быть, 20–30 лет. Разговор. Она никогда не говорила. А они с ней дружили, очень долго дружили с тетей Шурой. Она пела в хоре Свешникова. Потом Марья Никифоровна умерла, она осталась одна, и что-то я даже не знаю. Она растила дочку, внучку, племянницу, брата, Вольку, брата, девочку.

03:01:35

Нина Андреевна, я правильно понимаю, что всё-таки он как-то попал в лагерь, вы говорите?..

Нет, он вернулся туда в Магадан.

03:01:45

Он в Магадане был?

В Магадан. Стал работать, нормально работать, там все такие были, как он.

03:01:54

То есть он просто работал в лагерной структуре в Магадане?

Я не знаю. Я не знаю. Вообще он был по специальности какой-то инженер, технар. Вот это я знаю.

03:02:03

То есть вы не думаете, что он был арестован в тот момент?

А?

03:02:05

Вы не думаете, что он после ареста возвращался к ним?

Не знаю. Не знаю.

03:02:11

И она тоже не знает? Или не говорила?

Нет, она, может быть, не говорила. Может быть. Потому что Марья Никифоровна после этого еще жила, тетя Вера всё равно к ней, к тете Шуре ездила и иногда там что-нибудь... А тетя Шура жила в таком доме, у них 20 комнат, была коридорная система.

03:02:38

Нина Андреевна, еще хотела спросить, возвращаясь к смерти Сталина, многие люди разделяются над тем, что вот эта трагедия, большое горе, а кто-то говорит — радость, а кто-то, например, боится будущего: что будет дальше, а вдруг еще кто-то хуже придет. Вот я хотела спросить ваши чувства, когда вы узнали, что Сталин умер, у вас что в душе появилось?

Радость. Радость. Во-первых, я уже поболь[ше], большая стала, я уже многое понимала. Он в каком году-то у нас умер?

03:03:16

В 1953-м.

Это считай мне 20. Это не пятилетний ребенок, которого засунули в приют — и живи. Уже 20. А во-вторых, вы знаете что? Что у них там творится, мы никто не знаем, но самое интересное, самое интересное, я с ними потом работала, я их обслуживала, работала в физиотерапии в этой закрытой поликлинике. Их жены в основном, мужики редко, мало лечились, а жены много лечились, на Сивцевом Вражке.

03:04:06

Это что за клиника такая?

Первая поликлиника ЦК партии. В конечном итоге, когда у меня всё с биографией наладилось, а там же на 25% выше зарплата, а о будущем своем тоже каждый думает, пенсию-то получать.

03:04:27

А что значит «с биографией наладилось», пока не убежали?

Наладилось, то есть, во-первых, я получила все документы на своих родителей, что они не виноваты, абсолютная чистота, все они реабилитированы — первое. Второе. Это я уже работая, параллельно, документы пришли мне, такие листы, что я тоже реабилитирована, потому что считался ребенок тоже, невзирая... То есть ты эту всю гадость получаешь, когда тебе исполняется 18 лет, и на тебя всё это как на совершеннолетнего. От меня это ушло, от меня это всё ушло. И я спокойно ушла работать в первую поликлинику. Ко мне стали приходить эти самые всякие, нагладелась. Там есть настоящие, есть... Другого не скажешь. Всё было.

03:05:34

Что было? Вы уж расскажите.

Нет, ну, во-первых, я вам что хочу сказать. Очень многие провинциалы рвутся в Москву, но дело в том, что Москва — это же не город, это мегаполис, и здесь совершенно другая жизнь. Они думают, что они, приехав в Москву, они будут делать погоду, а я считаю, что мы просто живем. Мы так же ходим в магазин. Мы так же получаем свою зарплату соответственно своего статуса, куда ты устроился на работу. И ты должен располагать тем, что ты можешь, а не ходить и говорить «кто я», хотя у них зарплаты не очень высокие, только гонора много. Я сталкивалась потом по работе даже, приходили ко мне. Я в физиотерапии работала, в первой поликлинике ЦК партии. И вот ко мне приходили мамочки, бабушки, женушки, как назовешь. И мне в душе было смешно. Мне было смешно в душе. А были, приходили чудесные, умные, воспитанные, не заносчивые. Они приходили лечиться просто, по-человечески, как надо, и обращались с нами. А эти приходили — и вот так вот, знаете. А потом смотрю, а у нее там четыре-пять классов образования. Вот так вот на тебя смотрит, кто ты есть, букашка тут, ползаешь. Так как я пришла позже намного всех туда работать, у нас там была одна медсестра, которая меня очень полюбила и старалась, чтобы работать в смену с ней. Прямо просила старшую сестру: «Ты составлять будешь, ты мне давай с Ниной». — «Что ты?» — «Ну, хочу я с ней работать. Мне нравится». Но как-то мне это говорят, а я говорю: «Мне это всё равно. Она, вы здесь, я ко всем к вам одинаково отношусь, вы хорошие люди, добрые, хорошие, нормальные». Самое главное — надо подставлять плечо свое. У каждого свое что-то может случиться, подставить плечо и быть человеком в первую очередь, быть человеком. А потом они посмотрели, говорят: «Нин, мы все боялись, что ты будешь заносчива». Я говорю: «Нет, это не ко мне. Это не по адресу, не туда попали». Я поработала и посмотрела. И вот их [родственники] приходили. У меня Татьяна была, это вообще чудо. Она здесь где-то, недалеко от меня, если жива, живет. Вот она: «Нин». Я говорю: «Таня, ну охота ей, пусть она ходит». — «А ты знаешь, кто у нее муж-то?» Я говорю: «Нет». — «А он главный начальник над дворниками». Я говорю: «Да мне наплевать на нее». Я говорю: «Если бы она была нормальная, она бы тихо пришла к нам и сказала: “Я такая-то, можно сделать процедуру?” Сделала дело: “Спасибо вам большое, я пошла”». — «Ну, если ей хочется, дай ей, дай ей помечтать-то».

03:09:17

А она как это делала?

А она приходит и смотрит на вас как на человека второго сорта. Да, да-да-да-да. Это вы против нее букашка какая-то, ползаете, и вы обязаны чуть не задницу лизать. Одна как-то мне так вот твякнула. Вот по-человечески. Я говорю: «Спокойно. Вы пришли зачем ко мне? Лечиться. Вот мы с вами сейчас и будем лечиться, а замечания, замечания вы будете делать дома. А мне замечания делать не надо, я свою работу знаю, и я за нее отвечаю».

03:09:59

Не боялись?

Не-а. А мне как-то одна сказала, они, которые сталинисты, мы их так называли, они пришли оттуда, вот так вот всё. Я говорю: «Девочки, не бойтесь. Они вот там сидят все, под твоими руками. Ты работаешь? Да. Ты больному плохо сделала? Нет. Ты ему как процедуру отпустила? Как надо. Что тебе еще надо? С тебя больше ничего не требуется. сказать ей “до свидания, следующий”».

03:10:31

Буду протестовать, но ведь вашего же отца также ни за что. Вот возьмет она, нажалуется. Не было у вас вот этого страха, что вас куда-нибудь отправят?

Нет, нет, не было. Не было. Я когда всё это опознала, я очень много читала, я с многими разговаривала, я в Киевском районе организовала, как я называю, банду наших репрессированных и была во главе. Я выявляла, ко мне приходили, говорили: «Нин, а нас не заберут?» Я говорю: «Нет». Я говорю: «Ты получила бумагу? Получила. О, прекрасно. Значит так, завтра ты ко мне. Я тебе сказала, не бойся. Не бойся, ссылайся на меня». Меня в райисполкоме все знали.

03:11:25

Это уже при Хрущеве было, наверное.

Да, позже.

03:11:29

А как вы вообще XX съезд встретили? Ну, вот это вот...

А я в политику не влезаю. Я ничего не слушаю, потому что я в ней не понимаю. Я, единственное, единственное, очень хочу, чтобы все были здоровые, здоровые, а если есть болячка, полечись, чтобы тебе было полегче. Вот и всё.

03:11:53

Я имею в виду вот этот культ личности когда развенчан был, вы в этот момент что испытали?

Вы знаете что, у нас, если копнуть там в верхах, то треть, извини за грубое слово, под задницу коленкой надо гнать. Потому что у нас еще не погас... Чувство... Не ответственности, неправильно, а скрытности. Понимаете, люди скрывают. А я считаю так: если тебе не положено, не лезь, если тебе положено, возьми. И делай так, чтобы было удобно окружающим и тебе тоже, но не делай гадости, ни в коем случае, есть бумеранг. И самое неприятное, этот бумеранг обращается, вы знаете куда? На детей ваших. Вот я грубо: вы мне тихонечко хотите сделать гадость. У вас рождаются дети. И обязательно что-нибудь с этими детьми, неполадки. Бумеранг. Поэтому не надо держать зла в сердце. Неприятен человек — отвернись от него, не имей с ним дел, чтоб он не смотрел на твои глаза, которые на тебя смотрят с отвращением. И не имей с ним, постарайся по возможности не иметь с ним дела.

03:13:48

Нина Андреевна, ведь вы же работали в такой больнице. Как это у вас сочетается?

Очень хорошо у меня. Меня все любили.

03:13:56

Но вам нужно было лечить тех людей?

Зато я получила 25% надбавку к зарплате. А работала, если бы я работала в городе, по отношению, две трети, там нагрузка меньше, но больше ответственности. С ними вот так вот надо. Понимаете? Если я больному отпускала процедуру какому-то, этот больной потом только спрашивает: «Скажите, а вы завтра в какую смену работаете?» Мы же работали не только что каждый день утро, утро, утро, утро. Утро, вечер. Я спокойно отвечала, я говорю: «Ну что вы?» Я говорю: «Я буду завтра». — «Ой, как же так?» Я говорю: «Чего вы? У нас все очень хорошие». — «Я всё это знаю, я всё это понимаю, но я хочу к вам». — «Ну пожалуйста, приходите».

03:14:59

Но вот морально, как это было — ощущать, что вы их как бы, ну хорошо, лечите, но, в общем, вы предоставляете им услуги. Не было ощущения, что они, за что?

Нет, нет, я видела этого больного, я не видела, какой он человек, я видела больного. А к больному надо относиться нежно.

03:15:21

И разницы уже нет, да?

Нет, мне всё равно, Иван Иванович, Мария Ивановна, Софья Иванова. Всё, всё. Кто она — генеральша, полковничиха, она солдата мать — мне безразлично: она человек. Для меня это больной. Мне как-то об этом сказали: «Нин, ты так к ним ко всем одинаково». А я говорю: «А чем они друг от друга [отличаются], что, по-разному родили их?» Рожают одинаково всех людей абсолютно, у нас другого способа нет, есть другой способ: разрезать и вытащить. А в основном все — мама орет, ребенок выскакивает. Вот и всё.

03:16:15

Но потом судьбы разные.

А судьбы — это как жизнь сложится.

03:16:19

И выбор людей разный.

Но жизнь-то по-разному складывается у всех. Нет же никого, даже в одной семье ваши дети, от одного мужа рожденные, трое — и все разные. Они, может быть, внешне похожи, но они

разные. Характеры разные, взгляды на жизнь разные. Редко когда бывает, что двое и они вместе вот так вот идут, идут, идут.

03:17:01

Я про, знаете, череду выборов. Ведь ваша мама могла бы, например, отказаться от отца, сказать: «Вообще плохой он». Но она этого не сделала, она понесла все эти наказания. Я скорее [имею в виду], вот этот выбор всё-таки идти работать туда, где люди, скажем так, могли быть повинны.

А у нее даже, если сказать, пожалуйста, она не знает, где у нее сын, которого она стала... большой. Она не знает, где у нее девочка, с которой она была. Она же меня одну забрала, уехала, Вовка остался с тетей Верой в Москве, а мы с ней были в Халтурине, так? И они ночью пришли, меня в одеяло завернули и унесли, а маму под белые ручки и в НКВД, в этот. И всё. Где? Что? Пройдя всё это, они маму не озлобили. Всё равно. Она вернулась, и вот сколько я смотрела, она потом работала, она себя на работе выматывала, но всегда держала так себя. Никогда в жизни она никого не послала от злости, от чего-то, ничего подобного. Ничего. Мне 10 лет было, когда она умерла, я еще многого не понимала, всё это приходит буквально позже, вот это осознание, вот это всё. И потом мы когда уже проговаривали с тетей Верой, которая меня растила, иногда проговаривали, она начинала мне, я говорю: «Слушай, ну ты тоже вот тут не права». А потом она говорит: «Слушай, Нинка, а ты большая стала». Я говорю: «Ну потому что я уже взрослая. Понимаешь? Я уже не маленькая. Уже я взрослая». Она просто за меня боялась, я поняла. Она боялась за меня. Не дай бог вдруг кто-то чего-то, потому что она всё это вот принесла через всё это.

03:19:09

Ваш муж знал, что вы из семьи репрессированных?

Да. А я не скрывала, я гордилась. Я, например, всегда потом... Когда я узнала всю правду, когда меня, как я говорю, в поднебесье отвели, вот на это я поехала, последнюю бумагу я получала в КГБ. Ой, я забыла, как это место называется. Вот один дом большущий, это на Дзержинке, а этот около Большого театра, тут недалеко. В общем, я, короче говоря, пришла, сидит такой капитальный мужчина.

03:19:53

Капитальный — это как?

Сейчас скажу. С таким пронизывающим взглядом, вот он смотрит, а видит вот тут. И, значит, последнюю бумагу я у него получала, ну и он мне фразу какую-то сказал. Почему я заикаюсь, я всё хотела эту фразу вспомнить, так и не вспомнила. Ну смысл таков: «Вы на кого-то обиделись?» Я говорю: «А на кого обижаться сейчас, если те, кто сделали гадость, уже все в земле? На кого обижаться-то? Обижаться не на кого». Обидно? Да, обидно, что такая жизнь прошла. Мне было совершенно друго[е] уготовано — иметь высшее образование, но я не смогла, потому что вечернего медицинского не было, а на дневном я не могла учиться, мне надо было себя кормить. Тетя была и так вся измотана, искрученная. Я очень рано понимала цену всему, что это трудно. И последний кусок хлеба чтобы... Она еще резала — и так пододвинет себе поменьше, а мне сует побольше. Я говорю: «Вы понимаете?» Это всё. А были бы родители, которые выучились фактически. Мама первая, 10 человек детей у бабушки с бабушкой было, и мама первая, и она получила образование высшее. Это нелегко. Она из провинции, она не москвичка. Она из провинции. А с папой они вот там и познакомились, в Ветлуге. Я говорю: и папа. Это же деревенский паренек, был очень умным. И он дорос до таких... Был начальник, главный инженер секретной части Центрального телеграфа. Конечно, он мешал. Через него проходило-то всё. А он на сделку на какую-то не пошел, и его и расстреляли. Потому что он не пошел на сделку, потому что он был человек. А мама из многодетной [семьи], первая, 10 человек детей, но она получила высшее образование, потому что она хотела. И вечернего медицинского не было, дневной был. Она буквально с каких-то там брала дежурства и бегала с субботы на воскресенье, с субботы, там вот это старались. Когда я училась, я тоже, я воскресенье брала сутки. Сутки отработаю, прихожу и знала, что сегодня только будет два педагога, ну, две пары. На первой паре я еще держалась, а на второй засыпала — сил нет, потому что я в хирургии работала, и там детки все тяжелые. А мам на ночь всех выгоняли. И надо было ребенку и раны обработать, и накормить, и подойти несколько раз, он ребенок. Я в «детстве» всегда была. Я говорю: «Как вы думаете? О чем разговор-то?» Ну, меня ничего не озлобило. И их не озлобило ничего. Так что я говорю: «Нет».

03:23:42

Вы решили по медицинской линии из-за мамы пойти?

Да, конечно. У меня мама врач была, детский педиатр от бога. Она сколько там, пока была в Карлаге, сколько лечила.

03:23:57

Она была в Карлаге?

Да.

03:23:57

Просто вы...

Он называется Карлагерь [Карлаг].

03:24:02

А, вы просто первый раз сейчас об этом сказали.

Он так называется. Все его так величают.

03:24:09

Телефон [звонит]. Но мы практически, да, уже... Хотела спросить. Вы говорите про Карлаг. Вы первый раз об этом мне сказали сейчас.

Ну, мама там была.

03:24:19

Может быть, что-то она тетке Вере рассказывала?

Никогда не рассказывала. Никогда. Во-первых, я была мала, мне всё-таки было 10 лет, когда мама умерла. Я была мала. Это первое. А во-вторых, я помню единственное, значит, получилось так: 1941 год, мне восемь лет. Мы жили в Александрове. К нам в Александров приехало две родные сестры мамы, тетя Люба и тетя Вера, и вот они очень-очень долго между собой разговаривали втроем, но меня отправили гулять, чтобы я ничего не слушала. А они три сестры сидели, всё. Ну, читала много я об этом в Карлагере. Очень много читала. Но так как дело в том, что я и по папиным, по маминым рассказам, вот так вот я всё слышала. Хорошего было мало.

03:25:38

А что вы, кстати, читали? Вот, например, Солженицына вы читали?

Нет, Солженицына мало читала. Мало читала. [Про кота] О, любовь. Это не ко всем он так идет.

03:25:53

Да?

Смотрите-ка, признал. Признал кошку во мне.

03:26:02

А вы серенькие [ирзб]. Я серенькая, а меня не признали! Это же я собачница.

Я и кошек люблю, и собак люблю. Это мне ведь таким большим принесли, у кого-то там, он на улице у них начал жить где-то, его взяли, притащили. А он такой умнющий, такой хороший. И я говорю: «Всё. Разговор закончен, я его не отдам».

03:26:29

Нина Андреевна, еще хотела вас спросить, а вы детям своим вообще рассказываете историю семьи?

Всё рассказываю, абсолютно. У нас в семье секретов нет. Всю жизнь мою они прекрасно знают, и всех родных они прекрасно знают, а дети-то у меня вообще замечательные.

03:26:51

Расскажите.

Меня бог наградила чудесными детьми. Сын у меня. И дочь, и сын медалисты. Оба. Яблочко от яблоньки от своей далеко не прыгает, всё рядом ложится. Во-вторых, во-вторых, что я хочу сказать, они... Даже сейчас у сына четверо детей, и сейчас они живут с женой. Как-то мне кто-то сказал: «Ну ты бы к ним поехала жить». А я говорю: «А зачем?» Зачем? Сейчас вся молодежь, ну как, для нас она молодежь, а им, слава богу, самим по 60 лет, должны жить отдельно. Не надо. У нас всех разные взгляды на жизнь, у нас у всех разное здоровье. У меня сын золотой, дочка еще лучше. Я своими детьми очень довольна. [Показывает фото] Где я родилась, на Арбате.

03:28:07

Еще раз можете показать?

Вот здесь написано Кречетниковский.

03:28:10

Еще раз скажите, пожалуйста, что это.

Дом, где я родилась и родила там, успела, сына Андрюшку.

03:28:34

Ага, такие дома раньше были.

Старый дом. Наверху мезонин. Вот два окна эти наши. Мезонин был.

03:28:43

Это те окна, которые вы потом разделили?

Да, да, да.

03:28:48

С двумя печками?

Да, да, да, да.

03:28:53

Так, давайте дальше.

Вот. Этот дом в Ветлуге, где я выросла. Это в Ветлуге, бабушки с дедушкой, куда меня привезли с детского дома.

03:29:14

Ага, давайте дальше.

Всё?

03:29:15

Да, да, да. Давайте, хотите, я могу...

Так. Вот это мама, я, брат и тетя, которая потом меня растила, когда мама умерла. Ее родная сестра. Это семья Рябининых, то есть мамина семья, где она была самая первая, родилась у них. Вот. Ой, господи. Узнаю всех. Вот погибли дядя Паша и дядя Петя, в войну погибли. А эти, дядя Вася, дядя Коля, они нет. И дядя Володя. Это Тамара. Вот Тамара и Вовка — они ровесники, в один год родились, Тамара у бабушки, а это у мамы.

03:30:26

Это вот мама с бабушкой, получается, с детьми?

Вот здесь да. Нет, здесь тетя Вера, бабушка, я и Вовка. Это здесь.

- 03:30:42 **Ага, да-да-да. Это вы рассказывали уже, сейчас.**
- Было?
- 03:30:45 **Да, было. Давайте следующее.**
- Давайте. Так. Это брат мой. Вовка. И это он же, брат. Он. И Вовка здесь со своей теткой, вот они, они на одном году рожденные с Тамарой. Вот она, Рябинина Тамара, июнь. Тамара.
- 03:31:17 **Так, можно дальше.**
- Вот это мой родной братик Вова. Здесь это я, а это Вова. Это Кречетниковский, дом 7. Вся наша детвора.
- 03:31:41 **А кто вас тогда фотографировал?**
- Откуда я знаю? Я вон какая была. Откуда я знаю, кто меня? Я знаю, что меня держит эта девочка, которая меня маленькую до безумия любила и приходила нянчиться.
- 03:31:54 **Слушайте, а мне кажется или это ребята в какой-то одежде энкавэдэшников, что ли?**
- Да, да, да. Это было модно. Модно, модно. Да, да, да, да. Это Хайлуки. Коля и Юлик. Было модно одевать военную форму. Это всё до войны было.
- 03:32:14 **А у них отцы, получается, где-то работали?..**
- У них отец был, но я его никогда не видела, отца. Мы жили в одной квартире. У нас квартира была 56 человек.
- 03:32:27 **Сколько?**
56. Два этажа на одной кухне.
- 03:32:33 **Так, а вот это что за замечательное?.. Тоже, наверное, компания ваша?**
- Нет, нет. Сейчас посмотрим. Вот Вовка. Это школа, он в школе. Это в школе, это в школе он. Наверное, где-нибудь второй, первый класс.
- 03:32:52 **Это всё Москва? Потому что кажется, всё какое-то ужасно обшарпанное, удивительно.**
- Москва, Москва, всё Москва. Кречетниковский переулок.
- 03:32:58 **Фантастика. Так, давайте дальше. А, это вот тоже, да, ваш брат? 1938-й, 1939-й. Уже отца арестовали вашего.**
- Да. В 1936-м отца арестовали.
- 03:33:17 **Это где-то лагерь или что это? Это вот я смотрю, вот здесь.**
- Класс. Нет, класс. Это его школа. Вон Вовка. 1938-1939, это школа. И вот он, это он был в лагере, их сфотографировали там в лагере.

- 03:33:38 **То есть, получается, после ареста отца он еще и в лагере мог быть?**
- Да.
- 03:33:41 **То есть не сразу маму как-то?**
- Конечно же, еще успел. Вова и Нина Удаловы. Вот это я, краса. Хитрюля.
- 03:33:54 **Слушайте, у вас кукла, это кажется, как будто афроамериканец.**
- Да. Да. Захотела я такую куклу, увидела и попросила. Мне купили ее. Малаец я его назвала и этого Малайца очень любила. И потом мой дядя догадался, взял и папиросу поднес и вот эти два пальца сжег ему. Как же я плакала! Вот. Это на руках у мамы. Судя по кофточке, это мама, у нее такая кофточка была. Это Вовка, мой братик.
- 03:34:33 **И мишка, еще одна игрушка, да?**
- Ой, господи. Вовка так меня любил! Как же он за меня заступался всегда! А это как раз то время, когда у нас расстреляли отца. Вовка болен был. И вот нас, получается, это, знаете, какой год? Тридцать... Наверное или 1938-й, наверное, 1939-й. Ну не 1940-й.
- 03:35:03 **У вас тибетейка здесь какая-то, да?**
- Да, да, модно было.
- 03:35:05 **А, это вы, наверное, из детского дома уже вернулись?**
- Да, да. Лысая. Лысая.
- 03:35:11 **Так. Хорошо.**
- А вот тут я хитрая какая стою. Вон, видишь? Разница-то какая. После детского дома и до этого какая морда. Тут игривая, а тут побитая.
- 03:35:29 **В детском саду, написано, вы здесь.**
- Это в детском саду мы, в Ветлуге. Два кавалера, мало одного.
- 03:35:37 **Хорошо. Так, давайте дальше.**
- А вот это, подожди секундочку еще. Так. Это в детском саду. Я думала, в Александрове или нет. Не в Александрове. Это мама. Мама.
- 03:36:03 **Вот тут странно, как будто то ли очки солнечные, то ли что-то.**
- Да, да. Очки на нем были, тогда солнечных не было, затмение. А такие блещат. Мама возглавляла в Москве, в Краснопресненском районе, охрана здоровья детей.
- 03:36:21 **А, и вот она с детьми, да? То есть где-то они...**
- Да. Да. Вон она обведена. Охрана здоровья детей. Она к лету организовывала эти лагеря. Тогда было всё по-другому. Это сейчас заводы там какие-то, а тогда...

03:36:44	А есть где-то фотографии отца? Сомневаюсь.
03:36:49	Всё изъяли при обыске? Может быть. Здесь нету. Мама. Мама.
03:36:57	То есть, получается, ни в одной не сохранилась папина фотография? Не знаете, как он выглядел даже? Нет, знаю.
03:37:03	Так, давайте посмотрим. В очках ходил.
03:37:07	В очках? Это мама рассказывала? Нет, фотография какая-то, я видела. Где-то вот... Это брат мой умер. Вот я на руках.
03:37:18	А мама где? Вот. Мама вернулась из заключения. Меня... И Вовку хоронила. 1940 год.
03:37:31	Тетка Вера где здесь? Вот это вот. Вот она. Мамина родная сестра.
03:37:39	Это уже мама, да? Вторая моя мама.
03:37:42	Нет, а мама, это похороны мамы? Вот она мама, да. 1944 год, 22 января она умерла 1944-го года.
03:37:48	А вы здесь где? Похоронена в Александрове. Вот я. Вот мама.
03:37:59	Это тоже как будто фотография... Мама, мама. Вот она вернулась из лагерей.
03:38:03	Это на пропуск какой-то была фотография? Я не знаю. Может быть. Не знаю. Это тетя Вера моя. Тетя Вера, которая меня вырастила, маму заменила. Вот она. Это здесь.
03:38:31	Как будто на учебе, да, где-то?

Да-да-да. Она... Забыла. Она работала и училась... Господи. Где-то в Краснопресненском районе, это точно. Опять она же. Вот она. Это дедушка мой. Дедулечка мой. Это подружка детства, они, как говорят, с горшков дружили. На одной улице жили мы, там, в Ветлуге. Это вот тетя моя, тетя Люба. Дядя Паша, ее муж. А это тетя Вера, а это дядя Коля. Они, получается, две сестры и брат. А это у батюшки мы. Это Светка нос ковыряет. Андрюшка мой, маленький был.

03:39:58

А, это вы?

Да. Да, я.

03:40:02

И тетка Вера.

Да, тетя Вера.

03:40:05

Узнаю ее уже.

И дядя младший самый, с 1922 года который. Вот это тетя.

03:40:14

Какая вуаль у нее красивая.

Она очень красивая женщина была. А фигура была — все ее звали манекенщица. Она не захотела.

03:40:23

Высокая и стройная? Какой рост был?

Ну выше, она выше меня намного.

03:40:29

Но везде серьезная ужасно. Не улыбается совсем. Еще одни похороны.

Дедушки. Дедушка умер. На руках сестренка. Валька. Это Анютка.

03:40:54

А как долго он после бабушки прожил?

Много он прожил всё-таки. Ой, а с бабушкой, как они жили! Душа в душу. Никогда в жизни не слышала, чтобы они ругались. «Митя, Митя», «Аннушка, Аннушка» только было слышно. Это тетя моя с мужем и с братом. Тоже не стало.

03:41:18

Вот эта фотография моя любимая.

Удалов Андрей Павлович.

03:41:22

Это ваш папа, да?

Да. Родился — деревня Катунино Костромской области.

03:41:29

Что здесь написано? «Долой...»

Революции...

- 03:41:35 **Нет, это, наверное, «предатели революции».**
Предатели?
- 03:41:36 **Да. «Да здравствует коммунизм».**
Он на этом работал, на центральном телеграфе. Главный инженер был. Тоже папа.
- 03:41:52 **А вот они фотографии.**
Папа. Папа, папа. Я его совсем не помню. Только фотографии.
- 03:42:01 **Мне кажется, вы похожи.**
Да. Похожи, но я не помню его. Ой, я похожа на него.
- 03:42:08 **Вот эта вообще какая-то совершенно из другого времени будто бы.**
Молодой совсем. А это дед. Дед. Который, не знаю. О, Удалов Андрей Павлович.
- 03:42:35 **Где-то в Звенигороде, да?**
Папа. Папа. Вот он.
- 03:42:43 **Это они отдыхали где-то? В Звенигороде? Или что у них там было?**
Да, да. Может быть, отдыхали. Может, тогда еще было... Снимали санаторий. делали конференции всякие, часто было. Тогда модно это было. А вот в таком виде его взяли.
- 03:43:03 **То есть это из дела фотография?**
Угу.
- 03:43:05 **А вы вообще держали в руках архивно-следственное дело? Читали его?**
Да.
- 03:43:10 **И что там? Помните вообще, что ему предъявляли, как он себя вел во время допроса?**
Ему хотели пришить «врага народа». А в конечном итоге извинились, извинились. Сказали: «Простите, пожалуйста». Он к этому никакого отношения не имел. А то, что его расстреляли, это ничего. Он был правдолюб, и он не согласился, видимо, на какие их уловки. Это я одна. А, еще чего-то тут.
- 03:43:48 **А, это вы?**
Да, я. Это мои подружки в Ветлуге. Она сейчас в Звенигороде живет. Муж военный был, и она оказалась в Звенигороде. Эта умерла. А эту не знаю, куда девалась. Но это ветлужские. Мы там дружили очень.

03:44:07

Это вы, да?

Да, это я. И это я.

03:44:11

Целых две кошки.

Ну а как? Я всю жизнь кошек любила. Я где бы ни появлялась, они вечно ко мне липли. И я к ним. Это 1950 год. Мы на пару. Эта девочка в институте училась. Нет, она не из медучилища, она в институте училась. Кто-то написал неправильно. Она угол снимала у нас у соседке, там жила.

03:44:44

Это вы где так кричите?

А это на реке. Мы сидим в лодке и «Ура!» кричим. Она еще жива, вот эта. Вот эта тоже, давно не слышала, узнать надо. Вот эта умерла.

03:45:12

Так, давайте я тогда сейчас... Осталось совсем немножко у нас времени на карточке. Просто что-то такое супер, если мы найдем. А вот это?

Это подружки моей племянники.

03:45:26

Племянники. Думаю, вдруг это что-то ваше. Девчонки в цветах, какие-то парады. Сейчас-сейчас-сейчас.

Это мои рабочие дни.

03:45:43

Это, наверное, муж ваш. Мы как раз о нем не говорили. Наташа, можешь, наверное, на паузу, сейчас я...